

28592

А. ЧАВЧАВАТЗЕ
Г. ОРБЕЛИანი
Н. БАРАТАШВИЛИ

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ

1941

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ . ЛЕНИНГРАД

**А. ЧАВЧАВАДЗЕ,
Г. ОРБЕЛИАНИ,
Н. БАРАТАШВИЛИ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

*В переводах русских поэтов
под редакцией Н. Тихонова и Ю. Тынянова.*

*Вступительная статья
А. Островского и А. Федорова*

1941

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ . ЛЕНИНГРАД

28592

4-12 + *примечания*.

**А. ЧАВЧАВАДЗЕ Г. ОРБЕЛИАНИ,
И. БАРАТАШВИЛИ**

Соединение имен трех выдающихся грузинских лириков первой половины XIX века — А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и И. Бараташвили — не случайно. Оно вызывается бесспорной близостью этих трех поэтов как представителей грузинской культуры и поэзии своего времени, как выразителей тех идейных сдвигов, которые происходили среди передовой части грузинской интеллигенции в первые десятилетия XIX века. Эти три поэта являются крупнейшими представителями того течения, которое принято называть грузинским романтизмом.

Хронологически деятельность А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и И. Бараташвили совпала с широким развитием романтизма в Западной Европе и России (первая половина XIX века). Грузинскую поэзию этой поры с точки зрения ее идейных основ и ее художественных особенностей нельзя рассматривать изолированно от истории романтического движения в литературе и искусстве других стран. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что грузинская лирика, современная западноевропейскому романтизму, явление глу-

боко самобытное, органически связанное со всем предшествующим ходом грузинской поэзии и подготовленное литературной культурой предшествующих эпох.

Творчество грузинских романтиков было связано с глубокими историческими изменениями, которые Грузия претерпела в начале XIX века. Манифест 1801 года, которым Грузия была присоединена к России, ознаменовал поворотный пункт в истории грузинского народа. Грузия потеряла свою самостоятельность. Жестокий колониальный гнет прибавился к тому угнетению, которое терпел грузинский народ со стороны господствующих классов.

Присоединение к России означало для Грузии вместе с тем перемену политической и культурной ориентации. Связи с ирано-турецким Востоком уступают место возникающим теперь и все более крепнущим связям с общественной мыслью и литературой России, а через нее и с культурой западноевропейской. Но если передовые люди Грузии очень скоро начали понимать, что общение с русской культурой является существенным фактором культурного роста Грузии, то, вместе с тем, национальный гнет, который Грузия терпела со стороны русского самодержавия, ставила тех же самых людей в положение борцов против национального порабощения.

В 1832 году в Тбилиси был раскрыт заговор, имевший целью освобождение Грузии от владычества царской России.

С движением, приведшим к этому заговору, были связаны широкие слои грузинской интеллиген-

ции, в том числе и многие литературные деятели, в частности Александр Чавчавадзе и Григол Орбелиани.

Участники заговора подверглись ссылке в различные места центральной и северной России. Однако некоторые из них были вскоре «прощены» и даже получили возможность сделать карьеру. В этом нашли свое выражение новые методы «приручения» классовой верхушки народов, поработаемых русским царизмом.

Отношение А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и Н. Бараташвили (и в этом они сходны с большинством представителей грузинской дворянской интеллигенции) к России остается двойственным. С одной стороны, они все теснее и глубже срастаются с русской культурой, становясь проводниками ее в грузинском обществе, с другой стороны — они не могут до конца примириться с утратой национальной независимости Грузии, они сохраняют национальные идеалы и стремятся в своем творчестве выразить те патриотические чувства, которые волнуют грузинский народ, сжатый в тисках российского колониального гнета.

При всем индивидуальном своеобразии творчества поэтов, представленных в настоящем сборнике, всех их объединяют общие черты, отличающие их в то же время от поэзии западноевропейского романтизма. Поэзия грузинских романтиков — поэзия гораздо более земная, конкретная по своим мотивам и образам, чем поэзия западноевропейского романтизма. Если многих западноевропейских романтиков характеризует от-

решенность от жизни, стремление к «неземному», бесплотность, религиозные мотивы и т. п., то для их грузинских современников характерна полнота жизнеощущения, интерес к действительности во всех ее многообразных проявлениях, необычайно острое восприятие природы.

Поэзия их по существу своему глубоко оптимистична. Мы встречаем у них ряд стихотворений, полных жизнерадостного веселья, мотивы молодости, счастливой любви, мудрого и человеческого наслаждения жизнью. Даже в наиболее мрачных и печальных их стихотворениях нет самодовлеющего любования своим горем, нет добровольного отказа от радости жизни. Если даже поэт не видит выхода для самого себя, он выражает надежду на лучшее будущее, которое станет уделом грядущих поколений, и в этом смысле оптимизм грузинских романтиков имеет характер не индивидуальный, а широко-социальный.

Социальные мотивы играют большую роль в их творчестве. Поэты не только тонко чувствуют природу, не только погружены в свои личные переживания, но очень сильно и страстно реагируют на явления окружающей их социальной жизни, с которой тесно сплетена их личная судьба.

Свободомыслие — одна из характернейших черт А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и Н. Бараташвили, роднящая их с такими поэтами, как Байрон или Шелли — представителями наиболее прогрессивных течений западноевропейского романтизма. Социальный протест, протест против самодержавия, звучит с большой силой в произведениях

грузинских поэтов. Любовь к родине, патриотические мотивы, столь характерные для них, имеют не узконациональный, а глубокочеловеческий, гуманистический характер.

Александр Чавчавадзе родился в 1787 году в Петербурге. Отец его Гарсеван Чавчавадзе — видный грузинский политический деятель, посол грузинских царей Ираклия II и Георгия XII при русском императорском дворе.

Поэт с 1795 по 1799 год воспитывался в частном пансионе в Петербурге. В Грузию впервые приехал в 1799 году. Отец поэта, бывший одним из проводников русской ориентации в Грузии, после манифеста 1801 года стал разделять тайное недовольство грузинского общества.

В 1804 году Александр Чавчавадзе без ведома отца, вместе с группой грузинской знати, примкнул к мятежному царевичу Фарнаозу, поднявшему восстание против русского владычества. Восстание продолжалось восемь месяцев и было подавлено русскими войсками.

Александра вскоре задержали вместе с Фарнаозом и сослали на три года в Тамбов. За ним последовал и отец. В том же 1804 году оба Чавчавадзе были вызваны в Петербург и прощены. Александр Чавчавадзе поступил в Пажеский корпус. В Грузию он вернулся в 1809 году в качестве адъютанта маркиза Пауллуччи, служившего в русских войсках на Кавказе, и принял участие в подавлении крестьянского восстания в Кахетии. Вскоре затем, после ранения в

ногу, он вернулся в Россию. В наполеоновскую кампанию он был адъютантом Барклая де Толли и участвовал в походе на Париж. Пребывание во Франции тесно связало поэта с французской литературой.

С 1818 года А. Чавчавадзе — опять в Грузии. Он селится в своем родовом имении в Цинандали, а затем — в 1822 году — переезжает в Тбилиси. Дом Чавчавадзе становится средоточием литературной жизни Тбилиси. У него бывал в 1828 году А. С. Грибоедов, женившийся на его младшей дочери Нине.

В 1828 году А. Чавчавадзе командует войсками в Эриванской губернии; впоследствии его назначают начальником Армянской области.

В заговоре 1832 года А. Чавчавадзе непосредственного участия не принимает, однако за предполагаемую, хотя и недоказанную, причастность к нему он сослан в 1833 году в Тамбов на три года. Многие заговорщики показывали на допросе, что решающим для них являлось участие в заговоре Александра Чавчавадзе. Этот факт указывает на большой авторитет А. Чавчавадзе в грузинском обществе.

Вторая ссылка кончилась для поэта так же скоро, как и первая: в 1834 году он был вызван в Петербург.

С 1838 года А. Чавчавадзе снова в Грузии. В 1843 году он участвует в походе против Шамля. В 1846 году жизнь поэта обрывается — он погибает жертвой несчастного случая, выброшенный из экипажа понесшими лошадьми.

Григол Орбелиани проделал жизненный путь, во многом сходный с биографией А. Чавчавадзе. Он родился в 1804 году в семье грузинского князя-феодала. Сразу после окончания среднего учебного заведения поступил на военную службу. В молодости вел рассеянный образ жизни, предаваясь светским удовольствиям и шумным развлечениям. Участвовал в военных экспедициях генералов Ермолова и Паскевича, причем пользовался особым вниманием и уважением Ермолова.

Жизнь его резко изменилась в 1832 году: он участвовал в заговоре, был арестован в Новгороде, привезен в Тбилиси, где на несколько месяцев был заключен в Авлабарских казармах, а вслед за этим послан в Польшу, где продолжал военную службу.

В Польше он оставался до 1837 года. В 1838—1842 годах служил в грузинском гренадерском полку. С 1842 года принимал как офицер русской службы участие в войне с горцами в Дагестане. В последующие годы Г. Орбелиани продолжает делать военную карьеру. В 1851—1853 годах он занимает должность управляющего Джаро-Белооканским округом и состоит одновременно начальником всей грузинской линии. В 1854—1857 годах Г. Орбелиани командует войсками против Шамиля и управляет Прикаспийским краем. В 1857 году за взятие стратегического пункта Бутурнай (в Салатавии) он получает чин генерал-адъютанта. Начиная с 1862 года, Г. Орбелиани занимает высшие административные

должности и дважды исполняет обязанности наместника на Кавказе.

Умер Г. Орбелиани в 1883 году.

Жизненный путь Бараташвили был иным. Наследие этого поэта, величайшего грузинского лирика XIX века, сводится всего к нескольким десяткам стихотворений и исторической поэме «Судьба Грузии». Но идейное и художественное значение этого наследия — огромно. То, что Бараташвили умер молодым, не помешало ему сыграть исключительную роль в грузинской поэзии.

Родился он в 1816 году. Отец его, князь Мелитон Бараташвили, принадлежал к обедневшему аристократическому роду. Среднее образование Н. Бараташвили получил в Тбилисской Колоубанской приходской школе и Тбилисском «благородном училище».

С молодых лет Н. Бараташвили мечтал о военной службе, но вследствие несчастного случая, из-за которого он стал хромать, он был вынужден отказаться от своих планов. Поступить в университет ему тоже не удалось из-за стесненного материального положения семьи. По окончании средней школы Н. Бараташвили поступил в качестве мелкого чиновника в Экспедицию суда и расправы в Тбилиси, служба в которой не могла его удовлетворить. Письма поэта, относящиеся к этому периоду жизни, проникнуты глубоким пессимизмом, недовольством окружающей средой и чувством отчужденности от нее.

В отличие от старших современников — А. Чав-

чавчадзе и Г. Орбелиани — Н. Бараташвили не пошел по пути активной деятельности на службе у царского правительства. Он не сделал служебной карьеры, не достиг высоких чинов и званий, да и не стремился к этому. Он занимал очень скромное положение судебного чиновника. В одном из писем к своему дяде, поэту Григолу Орбелиани, Н. Бараташвили с горечью говорит, что «круг чиновников не выгоден для образования нравственности». Он болезненно чувствует свое одиночество.

В 1844 году Н. Бараташвили становится помощником Нахичеванского уездного начальника, а в начале 1845 года его переводят в Ганджу (ныне Кировабад), где 9 октября того же года он умирает от злокачественной лихорадки 29 лет от роду.

Таковы биографии этих трех поэтов. Обратимся теперь к особенностям их творчества.

А. Чавчавадзе — старший среди поэтов, начинающих новое течение грузинской лирики, воплощающих в своей поэзии тот перелом, который испытывает в начале XIX века грузинская литература, освобождающаяся от влияния Востока и начинающая осваивать элементы русской и западной культуры.

Наиболее часто встречающийся мотив поэзии А. Чавчавадзе — мотив любовных переживаний. Обращение к возлюбленной, метафорическое изображение женской красоты, любовное томление и призывы — воплощаются в творчестве А. Чавчавадзе в формах, еще идущих от восточной поэ-

ми. Традиции великих восточных поэтов — Хафиза, Саади, — отчасти непосредственно, отчасти через поэзию великого грузинского поэта XVIII века Бесики находят у А. Чавчавадзе богатое и своеобразное преломление, сочетаясь с новой — западной — поэтической культурой. Восточные темы, мотивы и образы, взятые как поэтические формулы, наполняются новым эмоциональным содержанием, связанным с психологией культурного человека XIX века. Традиционные элементы западноевропейского анакреонтического жанра, сочетаясь с восточным жанром застольной песни — мухамбази, получают в поэзии А. Чавчавадзе интересное и плодотворное развитие, необычайно выигрывая в отношении яркости и остроты.

Пользуясь традиционными образами как западной, так и восточной поэзии, лирика А. Чавчавадзе перерастает их, вырываясь за рамки условных формул. Бьющая через край жизненная сила, напряжение и полнота мировосприятия, здоровая радость жизни и любви — вот характерные черты поэзии А. Чавчавадзе, находящие свое выражение не только в жанрах вакхической песни, но и в других видах лирических стихотворений.

Философия наслаждения у А. Чавчавадзе глубоко человечна. Она связана не только с Востоком, но и с тем новым отношением к личности и ее эмоциям, которое дали поэзия Пушкина и лучшие французские лирики XVIII века (Парни).

Пойте, друзья! Пойте звончей: вы еще молоды.
Это от бога дней и ночей звонкое золото...

Пойте, пока смотрят на вас нежные женщины:
Радуйтесь, юностью венчаны!

(Ср. с Пушкинским стихотворением «Добрый совет», из Парни.)

Социальные и исторические мотивы в стихотворениях А. Чавчавадзе немногочисленны. Но эти мотивы выражены в них с большой энергией и яркостью. В стихотворении «Горе этому миру» мы находим такие строки:

Зло прославляют бесстыдные души,
Честь смешна им, и жадность их душит,
В золоте ходят по самые уши.
Братья, как добыты эти богатства? —
Грабежом и насильем над простолюдином.

Любовь к прошлому своей страны выражена в одном из лучших его стихотворений «Озеро Гокча».

... Там, где некогда цвели вокруг села пестрые,
Только крики сов слышны теперь полунощные,
Да в колючках трав тоской полны камни острые,
Тени прошлого, пустых руин глыбы мощные.

Этот мрак и боль, что живут в тени по развалинам.
Эта смерть и тлен, эта скорбь твоя и убожество
Входят в сердце нам красой живой опечаленным;
Стоном горестным сквозь них говорит ничтожество.

От богатой культуры стиха восточной поэзии идет изощренность и формальное разнообразие

поэзии А. Чавчавадзе. Он использует и образцы восточной поэзии, выработанные многовековой культурой иранского стиха, и восточные стихотворные жанры. Но А. Чавчавадзе, — и в этом заключается его заслуга, — переосмысляет эти формы на основе западной литературной культуры. Он входит в грузинскую литературу как основоположник нового поэтического направления. Именно с него начинается поворот грузинской поэзии в сторону европейской и прежде всего — русской литературы.

Этот поворот, эта новая ориентация, характерные не только для самого А. Чавчавадзе, но и для всей наиболее прогрессивной части грузинского общества, нашли свою поэтическую формулировку в одном из наиболее сильных стихотворений А. Чавчавадзе «Кавказ»:

... И, стонущий от ран, он покорился силе.
Поверили тогда Иверии сыны,
Что будут тем путем они просвещены.

Творчество Григола Орбелиани тесно примыкает к творчеству А. Чавчавадзе. Г. Орбелиани — поэт житейских радостей, певец вина, женщин, любви. Так же, как и А. Чавчавадзе, он сторонник «философии наслаждения».

Этот эпикуреизм был не только литературной темой, но и фактом, характеризующим биографию Г. Орбелиани. Одно из писем Г. Орбелиани, относящееся к последнему десятилетию жизни поэта, рисует чрезвычайно колоритную картину беззаботной пирушки в старом Тбилиси, с участием самого поэта.

«Недавно собрались все молодые люди: А. Чи-
лаев, Георгий Мухранский, Шаховской, Мирский
(Дмитрий), Джорджадзе (Дмитрий), Сосико
(Орбелиани), Агаларов, Старосельский, — среди
этих молодых людей самому молодому было, по
меньшей мере, 60 лет, — и пошли мы в вечерний
час в Ортачалы и воссели на берегу Куры с
зурной, с чианури, с чудным певцом, и был ве-
чер упоительный, ночь, озаренная луной. В это
время, откуда ни возьмись, направилась в нашу
сторону одна лодка с несколькими людьми и
остановилась посреди Куры, как раз напротив
нас. Главарь крикнул: «Зажгите свечи», и во-
круг лодки зажглись свечи, как факелы! Крикнул
снова: «Накройте стол!» И стол был накрыт.
Главарю почтительно поднесли поднос с четыре-
мя стаканами; он выпил их с большим изя-
ществом; потом он сам наполнил четыре стака-
на, передавая их поочередно каждому из сидя-
щих. Таким образом началось пиршество наше —
отсюда, их — с середины Куры. Выяснилось, что
адмиралом лодки был брат Кундзуа, мясник. В
разгаре пира адмирал — так мы называли главаря
их — воскликнул: «Теперь подадут шашлык!» При
этих словах один из восседавших в лодке кувырком
бросился в Куру, сначала совсем погрузился в вол-
ны, но потом, появившись над водой и ударяя опром-
ными руками, всплыл голый около духана; он
взял горячие вертелы и, продолжая грести одной
рукой, другой держа шашлыки высоко над водой,
вернулся в лодку. Снова началась поочередная
передача подноса с четырьмя полными стаканами.
От звуков нашего сазандари они приходили в за-

вистливый восторг и неистово вопили: «Еще раз, милые, дорогие! Джанум, гезюм!» С большим удовольствием наблюдал Шаховской за их столь чинным пиршеством. В первом часу мы поднялись с нашего места, а с той стороны их лодка также медленно поплыла в сторону моста». (Менуаргия, Жизнь и деятельность кн. Гр. Орбелиани).

Г. Орбелиани интересовался бытом простого народа Тбилиси. Он любил прогулки на плоту по Куре, водил знакомство с тбилисскими «дариманди» — охотниками до шумных попок и увеселений, принимал участие в пиршествах тбилисских мелких уличных торговцев и ремесленников.

В поэзии Г. Орбелиани заметно сильное влияние городского фольклора. Ряд стихотворений его даже приурочен к конкретным бытовым персонажам, от лица которых они подаются («Жалобы Дмитрия Оникашвили», «К Саломэ от Бежанпортного», «Песнь кинто» и др.). Нужно подчеркнуть, что эти фигуры служили поводом для включения в стих городской профессиональной лексики. Самый язык этой группы стихотворений демократичен, что особенно существенно, если принять во внимание высокий торжественный стиль, господствовавший в поэзии того времени.

По мере развития творчества Г. Орбелиани, в его поэзии усиливаются элегические мотивы. «Философия наслаждения» связывается с темами непрочности счастья, превратности судьбы и т. п.

Г. Орбелиани создает ряд стихотворений в жанре элегий («Моей сестре Ефемии», «Воспо-

минание» и др.), глубоко эмоциональных. Подчас элегические мотивы связываются у него с кавказским пейзажем:

Закат. Уходящее солнце
Кавказ обнимает вечерний
И нежит седые вершины
Любовною лаской дочерней.

Немые громады безмолвно
Стоят, прислонясь к небосклону,
Подобно живым великанам
В сверкающих снежных коронах.

На их каменистые ребра
Налипли тяжелые тучи,
И гневно грозят они миру
Пролиться потопом могучим.

Весенние яркие травы
И леса зеленые кущи
Узорят подножье Кавказа,
Ковер расстилая цветущий.

.
Печальный гляжу на дорогу:
В несущемся вдаль экипаже
Сокровище — в целой вселенной
Его нет бесценней и краше...

(„Вечер разлуки“)

В других случаях элегия сплетается с фольклорными элементами («Подражание Саят-Нове»). Не случайно творчество Саят-Новы — замеча-

тельного ашуга XVIII века, певшего свои стихи на грузинском, армянском и тюркском языках, — оказало на Г. Орбелиани заметное и плодотворное влияние, внося элементы песенности и народного стиля.

Г. Орбелиани не ограничился этнографическим интересом наблюдателя жизни «социальных низов». В его творчестве есть доказательства того, что ему было свойственно чувство глубокой социальной жалости и сострадания к участи трудового люда. Одно из самых сильных стихотворений Г. Орбелиани «Рабочий Бокуладзе» дает замечательный обобщенный образ человека, изнуренного физическим трудом и лишенного радостей жизни. От его лица и написано стихотворение.

Что с удивленьем устремляешь взор?
С рабочим не встречался до сих пор?
Вот пот и пыль. Открыта грудь. Над нею
Как бы заржавленную видишь шею.
Судьба глумилась с ранних лет над ним.
Обидами и нищетой гоним,
Всю жизнь страдает он, заботясь, где бы
Найти кусок необходимый хлеба.

Образ рабочего Бокуладзе противопоставлен образу поэта, как представителя обеспеченных и счастливых хозяев жизни. Основная мысль стихотворения — мысль о социальной несправедливости. Оно проникнуто глубокой симпатией к обездоленному трудовому народу.

Однако Г. Орбелиани чужд какой бы то ни было революционности. Характерно, например,

что поэт заставляет рабочего Бокуладзе искать утешения в словах священника. И объяснение этого следует искать в социальном облике и политических позициях Г. Орбелиани. Он — представитель господствующего класса страны, утратившей национальную независимость. Сам он на службе у русского самодержавия, один из проводников его колитики. Пресс национального угнетения с наибольшей силой ложился на народные массы. Национальные симпатии внушали поэту сочувствие к этим массам, но его положение царского чиновника и аристократа создавало пропасть между ним и народом.

Эта двойственность положения Г. Орбелиани сказалась и в оценке исторического прошлого Грузии. В поэме «Заздравный тост, или пир после сражения под Эриванью», являющейся одним из крупнейших произведений грузинской поэзии, поэт, с одной стороны, воспекает славу русского оружия, покоряющего Закавказье, с другой, обращаясь к прошлому Грузии, рисует ряд героических образов борцов за национальную независимость. Эпизод поэмы, проникнутый пессимизмом, отражает противоречивость мировоззрения поэта.

Среди грузинских поэтов первой половины XIX века Г. Орбелиани выделяется разнообразием жанров, мотивов и стилистических средств. В его лирике нашли отражение жанры и темы русской и западноевропейской поэзии. Нужно отметить, что Г. Орбелиани перевел ряд стихотворений русских поэтов, главным образом Жуковского и Лермонтова. «Заздравный тост» вызывает на сопоставление с «Певцом во стане

русских поэтов» — главным образом, по признаку композиционного построения.

Вместе с тем в творчестве Г. Орбелиани грузинская лирика освобождается от власти восточных поэтических форм. Г. Орбелиани вносят в грузинскую лирику интимность и простоту, которые роднят его с великими русскими поэтами его времени. Он вводит много нового в грузинское стихосложение; в частности, он первый из грузинских поэтов использует белый стих.

Н. Бараташвили, умерший много раньше Г. Орбелиани и на год раньше А. Чавчавадзе, пошел в своем творчестве значительно дальше этих двух своих современников.

Его поэзия содержит ряд черт, благодаря которым она и для нас является наиболее современной и живой.

Несмотря на жизненные неудачи и тяжелые общественные условия, в которых жил Н. Бараташвили, творчество его, проникнутое характерными для романтизма настроениями, не пессимистично. Понимая и глубоко чувствуя всю тяжесть настоящего, Бараташвили даже в самые мрачные минуты своей личной жизни ярче и полнее, чем кто-либо из представителей грузинской поэзии этой переломной поры, выражает веру в лучшее будущее, которого ему не суждено увидеть:

Нет, не исчезнет душевный трепет того, кто ведал,
что обречен.
И в диких высях твой след, Мерани, пребудет
вечно для всех времен:

У Н. Бараташвили оптимистически окрашивается и круг тем, связанных с восприятием природы. Природа для него источник утешения и вдохновения:

Я помню время, бывшее время, когда унылый.
Я пробирался среди утесов над сонным лугом,
И тихий вечер со мной был ласков и был мне
Другом.
Как я, печальный, как я, безмолвный и сердцу милый.

Гора живая, то в блеске смека, то в ризе слезной.
Какую радость и утешенье даришь ты взгляду!
Усталым душам, в часы печали, ты шлешь отраду,
Друг вековечный сердец замкнутых, немой и
грозный!

(„Сумерки на Мтацминде“)

В целом ряде своих стихотворений Н. Бараташвили создает замечательный по мастерству лирический пейзаж, в котором — и это типично для романтического мироощущения — сплетаются элементы реального описания с душевными переживаниями поэта. Романтическое восприятие действительности сказывается здесь в том, что поэт одушевляет природу. Лирика природы у него пронизана пантеизмом. Это роднит его с многими поэтами современниками, как русскими (Тютчев), так и западноевропейскими.

Н. Бараташвили как романтический поэт глубоко прогрессивен. Разрабатывая темы философского и исторического масштаба, он всегда смотрит вперед. При обрисовке личных чувств и пе-

реживаний в своих стихах о любви и дружбе он отходит от традиционного отношения к этим темам, вкладывая в них личное и эмоционально насыщенное содержание. Если в лирике поэта старшего поколения А. Чавчавадзе мы наблюдаем психологическое осложнение форм поэзии XVIII века, то Н. Бараташвили делает дальнейший значительный шаг по этому пути, позволяющий рассматривать его лирику как лирику внутреннего мира человека.

Характерно, что Н. Бараташвили берет эмоциональный мир человека не в его статике, а в смене настроений и переживаний, во всем разнообразии оттенков и колебаний чувства.

По сравнению с А. Чавчавадзе любовь у Н. Бараташвили носит гораздо более одухотворенный характер. Отсюда предпочтение, отдаваемое поэтом внутренней — духовной красоте любимой женщины, мотив, в грузинской поэзии впервые развитый Н. Бараташвили:

О, не упрекай за неверность, красавица,
Твой милый с изменчивым сердцем не справится.
И вечную страсть не внушишь ему, нет.
Душой будь прекрасна — вот лучший совет.

В другом стихотворении Н. Бараташвили, обращаясь к друзьям, восклицает:

Не дружите с жеманницей, слишком красивою.
Что пленяет нам сердце улыбкою лживою.
Клятвы ценит она и взывания страстные,
Но любви в ее сердце искали б напрасно вы.

(„Моим друзьям“)

Если А. Чавчавадзе, старший современник Бараташвили, — певец земной, радостной любви, воплощаемой в чрезвычайно ярких и пышных образах, то Н. Бараташвили дает высокие образцы проникнутой искренним чувством интимной элегии. Элегические настроения в стихах Н. Бараташвили не литературный мотив, а результат жизненного опыта поэта. Даже в тех случаях, когда Н. Бараташвили берет традиционные в грузинской поэзии темы, он вносит в них совершенно индивидуальный оттенок, окрашивает их в личные тона. Так, например, обращаясь к чонгури (символизирующему его поэтическую «лиру»), поэт говорит:

Твои жалобы безутешные,
Причитания, стоны нежные
Душу ранят мне, воскрешая в ней память прошлого.

О мой чонгури! Пусть хоть раз один
Станет голос твой песней радости,
Пусть хоть раз один унесет тоску сердца бедного.

Я молю тебя об улыбке той,
Что врачует скорбь и дает покой,
Но в ответ звучат лишь убитого сердца жалобы.

(«К чонгури»)

Эти мотивы печали и страдания перекликаются с мотивами одиночества, в биографическом плане обусловленного отчужденностью Н. Бараташвили от окружающей его среды — его положением в обществе, не понимавшем его. Но поэт

далек от байронической позы героя, стоящего над обществом и противопоставляющего себя ему. Его отчаяние нередко заглушается тем протестующим голосом, который он поднимает против зла в окружающей его действительности. Борьба с роком для Н. Бараташвили не просто выражение этого отчаяния, а путь к завоеванию того счастья, которое станет уделом лишь грядущих поколений. Стихотворение «Мерани», являющееся высшим творческим достижением Бараташвили, ярче и полнее всего отражает пафос этой борьбы. Эта волевая направленность творчества Н. Бараташвили, гуманность целей, которые преследует его борьба с роком, позволяет нам сказать, что он преодолевает романтический идеал гордой, самодовлеющей и трагической личности. В конечном итоге борьба человека с судьбой у Н. Бараташвили — путь к преобразованию социальной действительности.

Творчество А. Чавчавадзе и Г. Орбелиани, с одной стороны, и Н. Бараташвили, с другой, отражают в себе две стороны грузинской лирики первой половины XIX века, являясь в совокупности выражением тех новых черт, которые принес с собою грузинский романтизм. Это — необычайная жизнерадостность, полнота мироощущения, интерес к действительности в ее многообразных проявлениях, острое восприятие природы, нашедшее особенно яркое выражение в поэзии двух старших романтиков. Это — широкий социальный гуманизм, искренность переживаний, тонкость в

обрисовке внутреннего мира, пронизывающие лирику Н. Бараташвили. Всем трем поэтам свойственны постоянный и глубокий интерес к прошлому своей родины и ее грядущим судьбам; их поэзия патриотична, эмоциональна по своему содержанию, она отличается высоким мастерством стиха.

Советский русский читатель еще мало знаком с сокровищницей национальных литератур братских народов СССР, особенно с литературой прошлого. В этой книге он найдет перевод произведений грузинских поэтов, пользующихся большой и заслуженной любовью грузинского народа

А. Островский и А. Федоров.

А. ЧАВЧАВАДЗЕ

О года, года! Вы прошли, года.
Как уходит сон, как бежит вода.
Неизменен был я всегда всегда,
 Не заметил лет,
Неизменен был я всегда, всегда.

От людей отстал, силы жить мне нет. —
А дышу еще, — удивляйтесь, да!
Неизменен был я всегда, всегда.

Кару злобную от судьбы терплю,
Жил надеждой я, что, как щит, тверда.
Неизменен был я всегда, всегда.

Отошла и та, — я достоин слез!
Ах, не лучше ли умереть тогда?
Неизменен был я всегда, всегда.

Я один — одной в дар принес себя.
Буду накрепко ей рабом всегда.
Неизменен был я всегда, всегда.

Если кто-нибудь стоек так, как я, —
Мне соперника тяжела беда!
Неизменен был я всегда, всегда.

Разве пленному знать дано любовь?
Где бы ни был я сердце с ней всегда.
Неизменен был я всегда, всегда.
 Не заметил лет,
Неизменен был я всегда, всегда.

МУХАМБАЗИ

Кто пьет вино, блажен стократ,
Ариалали,
Каждый пирует и каждый рад,
Тариалали.
Осень поставила Бахуса
Давить в чанах виноград.

Когда зима свирепеет
Так, что ворон взлететь не смеет,
Нипочем нам лютая стужа,
Если хмель нам голову греет.

Пить хочу — наливай полней!
Разрешение, пастырь, выдай мне!
Воду лакает грешный люд,
Это потоп доказал вполне.

Однажды отведал старый Ной
Виноградных гроздьев сок хмельной.
С тех пор он прочно подсел к вину:
Пусть пьет, мол, воду зверь земной.

Пейте, друзья, со мной заодно!
Соберемся в круг, победим вино!
Пусть вино станет вашей кровью,
И пусть в бою прольется оно.

Когда пылает огонь войны,
Мудрецы осторожны и не нужны.
И те, кто выпил, сразят врага
Иль сами будут сражены.

Умник, ты не болтай напрасно,
В бой не пойдешь ты — ведь это ясно.
Еще до битвы сердце разбито,
Заранее чуя, где опасно.

Ученье несет лишь беды,
Ты винной науки отведай.
Мудрец помышляет о смерти,
А пьяница ищет победы.

Врач, если ты в затрудненьи,
Слушай мое наставленье:
Если больной безнадежен,
В вине — его исцеленье.

Монахи, истину эту
И вы проповедуйте свету!
Выпьем хотя бы за веру,
Наперекор Магомету!

Жизнь было бы хитро
Купить на серебро.
Немало было богатых,
А где теперь их добро?

С вином все на свете краше,
За ним проведем дни наши,
Кутеж всегда удастся,
Пьем из тыквы мы иль из чаши.

Весна холода прогонит,
На зеленом мы сядем склоне,
И красным вином насладимся,
Соловей пусть над розой стонет.

С милой в разлуке тяжелой
Ты небо забыл и долы!
Выпей с нами, и ты увидишь,
Какой ты станешь веселый!

Летом средь дня и ночи
Жару перенести нет мочи.
Мы выпьем, и нам не жарко,
Сон нам смыкает очи...

МУХАМБАЗИ

Открывает март свой весенний сад,
Что закрыт стоял столько дней подряд,
Страстью нежною целый мир объят,
Полной радостью все сердца горят.
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовью насладись, мой брат.

Вы, чей светел был горделивый взор,
Что вы в горестный облеклись убор?
Или час судьбы так суров и скор?
Ароматами напоив простор,
Вам несет весна многоцветный клад.
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовью насладись, мой брат.

Замела зима всякий след весны,
Отцвели цветы, и стволы черны,
Но придет пора, и они должны
Принести плоды, что, как мед, сочны.
Этот бег времен повторим стократ.
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовью насладись, мой брат.

Верь незыблемо в торжество чудес,
И опять придет синева небес,

Сладколикая будет роза цвести;
Коль шипов ее перетерпишь месть,
Дерзновения обретешь в них яд.
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовь наслади, мой брат.

Если розою изукрашен луг,
Не томись вдали, не броди вокруг,
Сразу сердце ей подари, мой друг.
Если смерть тебя не похитит вдруг,
Ты своей судьбы прочитаешь взгляд!
Ты, что волею сладких чувств богат,
Всласть любовь наслади, мой брат.

ЛЮБОВЬ

Любовь могучая! Какого не одолеешь ты бойца?
Тебе оброками—стенанья, тебе престолами—сердца.
Рабом ты делаешь владыку, предав безумью мудреца,
И соловей, поющий розу, тебе покорен до конца.

Монах, мирянин, и невольник, и повелители
племен —
Подвластны все твоей державе и признают ее закон.
Самодержавная царица, везде находишь ты свой
трон,
И люди — подданные страсти, и я, как все, тобой
пленен.

Неужто кто-нибудь захочет избежать радостных
цепей?
Пускай любовь несет страданья — отрада
сладостная в ней.
Благословенна эта нега. Да разгорается сильнее!
И грустно, если в ней не будет хотя бы отблеска
скорбей.

МУХАМБАЗИ

Красоте твоей завидуют жены — она нежна.
Говорят: о, если б глаза такие иметь и нам!

Ты легким станом, как гибкий тополь, вознесена,
Тростник опишет тот, кто расскажет, как ты
стройна,
Мягки твои губы, прекрасны руки, коса черна,
Хрусталь и мрамор затмить способна щек белизна.

Когда скажу я, с чем ты сравнима и как мила,
Другие звезды мне станут врагами, желая зла,
Стрелу направят, чтоб кровью сердце мое зажгла,
И Марс воскликнет: «Есть ли такое, чего б она
не могла?»
Пусть не увидят наши очи, как хороша она».

Строен твой стан, нежны твои щеки — в саду цветы,
Агатových прядей пышные волны в косы до пят
свиты,
Груды твои, как почки розы, нежностью налиты,
Сердца кахетинцев, сердца картвельцев давно
покорила ты —
Молчу опрочих, иначе вспыхнет и вся страна.

Прохладный тополь, ты тихо веешь у каждого
на пути.
Для того надолго прояснится небо, к кому твоя
свежесть слетит
Стан кипариса, с тобой и раю скажу прости, —
Окаменею, коль мне не будет твоя сладкая речь
слышна.

ДЖАНКУККИ

Горе, если в отдаленье
От меня твой милый лик.
Где мой разум? Где терпенье?
Все во мне стеленье, крик.

Счастливым был я. Ты луною
Полною светила мне.
Здесь я без тебя изною
В отдаленной стороне.

Говорила, утешая,
Что союз наш нерушим.
Вкруг меня страна чужая,
И тебе я стал чужим.

Я желал обнять подругу,
Рок суров — ты далеко,
Так предай меня недугу,
Рви мне сердце, Марико!

Коль услышу хоть немного
Про твоё житье-бытьё,
И за это славит бога
Сердце мертвое мое.

Распустившаяся весною
Роза скрыта листвою сквозною,
Соловья пьянишь ароматом.
Плачет он, хмельной: «Что со мною?»

Чем гордишься ты, неужели
Сердцем каменным в милом теле?
Горе взваливаешь на горе
И безумишь меня без цели.

Ты алешь моею кровью,
Шлю за то тебе славословье.
Где награда? Иль незнакома
Роза с жалостью и любовью?

Эти иглы не для того ли,
Чтобы сердцу умножить боли?
Плачем тешишься ты, как песней.
Слезы буду я лить доколе?»

Улыбается роза мая:
«Нет, я боль твою понимаю,
Но рыданья и песнопенья —
У влюбленных судьба такая.

Все же плач ты сдержи и пенье,
Не костер твое опьяненье,
И развеет такое пламя
Ветра легкое дуновенье».

Багряною зарей освещенная
Окраской роз сияешь ты, светлая,
Стократ сердца гнетешь отягченные,
Перед тобой их вздох как дым, светлая.

Ты глаз людских утеха сладчайшая,
Ты пытка нам огнем жесточайшая.
Не устоять перед тобой, сладчайшая,
Предстанешь ты — воспрянет дух, светлая.

Зачем господь создал светозарную, —
Питает враг твой зависть коварную.
Завистлив Феб, — тебя, светозарную,
Увидел он — зарю взметнул светлую.

Я страстью к ней живу одурманенный,
Она ушла — остался я раненый,
Как ночью днем теперь отуманенный.
Приди, заря, согрей меня, светлая.

БАЯТИ

Маджаму слагать начну.
Сладкий труд — напрягать стовну.
Дай, Геба, мне нектара,
Я к чаше богов прильну.

Вы очи откройте мне,
Вы лиру настройте мне,
И песню в честь Грации,
О Музы, пропойте мне.

Баяти я, — песнь мою
О пальме из пальм слою,
Стрелой купидоновой
Пронзит она грудь мою.

Вещает мне рок о том
Громами и рокотом.
О сердце, ты к гибели
Готово без ропота.

Ты страстью раздавлено,
Ты скорбью отравлено,
Лишь горестный след любви —
Слеза мне оставлена.

ДВОРЦУ ПАВЛА ПЕРВОГО В ПЕТЕРБУРГЕ

Сокровищ не щадя, какой монарх гордец,
Преграды серебром преодолев спесиво,
На удивленье всем такой взрастил дворец?
Так солнце в долах возвращивает нивы.

Он сообщил тебе величественный вид.
Искусною рукой он подобрал каменья
Снаружи, а внутри все золотом горит.
На что потребен год, он сделал во мгновенье.

И между гулких плит струенье робких вод
Со всех сторон звучит. И пышность озарила
Тот горделивый храм, возросший с небосвод.
«Храм», — думал государь. Но этот храм — могила.

Когда же солнца лик восходит, осень
Постройку мощную, то через воды эти,
О, сколько стрел скользит отлитых из огня,
И падает на дно, не умеряясь в свете.

Смотрите, как хотят каналы вдоль дворца
О злодеянии поведать небывалом,
Свершенном близкими; как тешились сердца
Убийц, когда тоска и смерть прошли по залам.

БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

Бьется горькое сердце, томясь, отбивает мгновенья.
Кто желанья поймет, кто подслушает сердцебиенье?
Сторожу у дороги. Виденья меня искушают, —
— Это листья шуршат, и пугает меня шелестенье.
То волос из агата во тьме померещатся пряди, —
На хрустальной небесной доске это молний паденье,
Ветер легкий скользит. Я твое представляю дыханье,
Радость дарит оно, когда в сердце рубинов горенье.
Помнишь, в жертву взяла мою душу, и поднялось
к небу
Из бесценных коралловых губ твоих благодаренье.
Жертва соединила два тела единою жизнью,
Разве отдал я душу, чтоб быть от тебя в
отдаленьи?
Иль презрела ты пленника, чувств упоенных не
хочешь?
Знай, с холодною речью не схоже влюбленного
пенья.

Горе я скрывать устал,
Но боюсь открыть уста,
Безумны глаза мои:
Как тополь девичий стан.
 Родинки, радость глаз,
 Гибну вдали от вас!
Лапы нежных уст люблю,
Взоры милых глаз ловлю,
И в сердце не скрыть огня.
Жестокою боль терплю!
 Родинки, радость глаз,
 Мука мне видеть вас!
Окружила мгла ночей
Солнце яркое очей,
Пронзит оно сердце мне
Стрелою своих лучей.
 Родинки, радость глаз,
 Гибну вдали от вас!
Как рубин уста горят,
Скрыт меж них жемчужный ряд.
О сердце, за верность им
К смерти нас приговорят.
 Родинки, радость глаз,
 Проклят, кто любит вас!
Вслед за солнцем я иду,
Исцеленья в муках жду.

Лекарства не даст — клянусь! —
В могиле покой найду!
Родинки, радость глаз,
Стоит ли жить без вас!

МУСТАЗАДИ

О прекраснейшей розы бутон, посмотри на того,
Кто, проклятью подпав, глаз не сводит с лица
твоего
Ты возьми меня в рабство, приди, обними. Одного
Я лекарства прошу — сделай вечным любви
торжество.
Чувства рвут меня, и без тебя мое сердце мертво.

Рук сверкающих взмах, трепет кос, глаз
подвижная тьма
Дань взимают. Прострелено сердце и сходит с ума.
Дай обнять мне колени твои, посоветуй сама,
Как спастись мне от войска ресниц? Их черна
бахрома.
Хрусталям твоих глаз дважды светлых служу.
оттого
Чувства рвут меня, и без тебя мое сердце мертво.

Ждал тебя я у тесных, в долину ведущих ворот,
Но напрасно кричал я, и стонами полон мой рот.
Ночь проходит, я стражду, и вот уж ко дню
поворот.
Хоть себя не щажу я, твой взгляд не меня
изберет.
Слово любящих помня, в слезах повторяю его:
Чувства рвут меня, и без тебя мое сердце мертво.

Горе этому миру и тем, кто собою
Олицетворяют зло с клеветою,
Кто попирает невинность пятою.
Горе живущим
Грабежом и насильем над простолюдином.

Зло прославляют бесстыдные души,
Честность смешна им, и жадность их душит,
В золоте ходят по самые уши.
Братья, как добыты эти богатства? —
Грабежом и насильем над простолюдином.

Домы друг друга они охраняют,
Лютою мукой людей истязают.
Тот, кто сильнее, тот больше стяжает
И богатеет
Грабежом и насильем над простолюдином.

Бродит, смеясь, по развалинам Сила,
Здесь она истину поработила.
Правды цветы разметала, сломила
И погубила
Грабежом и насильем над простолюдином.

Силой у сильных отнимут стяжанья, —
И воздадутся им их же деянья, —
В прах превратятся дворцы, состоянья,
Что добыты были
Грабежом и насильем над простолюдином.

В жажде наживы — границы не знают
И, издеваясь, закон нарушают,
В злобе — подобных себе убивают,
Умножая богатства
Грабежом и насильем над простолюдином.

Царь, чья судьба так завидно беспечна,
Мрачными мыслями мучится вечно,
Ищет он новых богатств бесконечно,
Их добывая
Грабежом и насильем над простолюдином.

И царедворцы корыстной толпою
Братоубийственной встали войною
Друг против друга, деля меж собою
Все, что добыли
Грабежом и насильем над простолюдином.

Вы, бедняков затравившие псами,
Вы, что хотели их сделать рабами,
Знайте, — вот так же случится и с вами!
Не вечно жить вам
Грабежом и насильем над простолюдином.

МУХАМБАЗИ

О любовь жестокая, о любовь блаженная,
Ты певцу изранила сердце вдохновенное.
Ах, зачем увидел я прелесть совершенную!
Лик, рожденный властвовать, покорила вселенную.
Лук бровей изогнутых подняла надменная,
Прямо в грудь нацелилась мне стрела мгновенная.
О любовь жестокая, о любовь блаженная,
Ты за что мне ранила сердце вдохновенное?
Дрожь ресниц отточенных — взмах мечей
губительных.
Острием пронзенные стонут в муках длительных,
Но опять бросаются в сонм клинков язвительных,
Алчут новой близости, ищут ран целительных.
Горе мне, безумному! Гибнет сердце пленное.
О любовь разящая, о любовь бесценная.
Как жестоко ранишь ты сердце вдохновенное!
Вижу очи недруга, жажду крови, мщенья,
Но сильнее, чем ненависть, тайное влечение.
Как безумцу вымолвить слово отречения?
Гибну в тонком пламени, славаю яд мученья.
В горьких столах слышится радость сокровенная.
О любовь коварная, о любовь священная,
Вот как ты мне ранила сердце вдохновенное!
А вдали от гибели и в разлуке с милою
Целый мир мне кажется черною могилою.

Как беглец безрадостный жизнь кляню унылую,
Новой тайной близости жажду с новой силою,
Тщетно ждет свидания сердце неизменное.
О любовь жестокая, о любовь надменная,
Слышишь, ждет свидания сердце вдохновенное.
Бойтесь стройных тополей, юноши влюбленные,
Бойтесь роз, что прячутся в заросли зеленые,
Как бы, нежной розою насмерть уязвленные,
В рабство вас не продали очи ослепленные.
Слышите, нерадостна песнь моя бессменная:
О любовь жестокая, о любовь блаженная,
Как ты больно ранила сердце вдохновенное!

ВРЕМЕНА ЖИЗНИ

Да, горестную жизнь мы в мире этом видим!
Рождаясь, плачем мы, как будто все предвидим.
Растем, и наших слез наставник не уймёт,
И время к мудрости сурово нас зовет.
А станешь юношей — сильнее мучит горе:
Нас унижает страсть, и разум с сердцем в споре,
Лицо прекрасное нежданно нас пленит
И в жалкого раба навеки превратит.
И в зрелом возрасте все новые страданья, —
Все мало нам, гнетут нас новые желанья:
Похвал и почестей и славы мы хотим,
И, не достигнув их, от зависти горим.
Когда ж под грузом лет спина дугой согнется,
Угаснут чувства все, лишь злоба остается,
Придут болезни к нам, предупреждая нас:
«С улыбкой зачатый, — заплачешь в смертный час!»

ГАФН

Вы проходите дорогою,
Девы, взор и сердце трогая.
Косы — цепи. Страсть жестокая
Заплела их. Вижу сам:
Я теперь привязан к вам.

Кто вы? Как светила в облаке,
Мимо реют ваши облики.
Узников услышьте оклики.
Оглянитесь на меня.
Я томлюсь, судьбу кляня.

Светочи, где вас не встречу я?
Вас возносят все наречия.
О, не надо бессердечия,
Мрачную целите плоть,
Дайте горе побороть.

Юноши, вы дом мой видели?
Тьма и траур в доме жителя,
В сумрачной томлюсь обители.
Пожалейте, хоть сейчас
Я совсем покинул вас.

Ах, представьте те мгновения
(Что их было драгоценнее?) —
Сами вы несли служение
И гордились госпожой,
В честь которой шли на бой.

Или верности пылание
Гаснет? Воля вам желаннее.
Но не радуйтесь заранее,
Ваш удел, настанет срок,
Будет, как и мой, жесток.

Пониманьем не согретая,
Звезды пой, душа; я эту
Песней о рабах поведаю,
Звездам вверивших сердца.
Участь горестна певца.

Кто узнать мою хочет участь?
Я дошел в несчастьи до дна.
Знал обиды и горя жгучесть.
О тоска, как давит она!

Тот, кому я отдал покорно
Сердце в жертву, — заперт в плену.
Беды к бедам нижу, как зерна.
Рана мучает. Не вздохну.

Кто узнать мою хочет участь?
Я дошел в несчастьи до дна.
Знал обиды и горя жгучесть.
О тоска, как давит она!

Охраняют нас часовые,
И не вольны ни ты, ни я.
Завтра выйдут на пост другие,
Все змеей осталась змея.

Кто узнать мою хочет участь?
Я дошел в несчастьи до дна.
Знал обиды и горя жгучесть.
О тоска, как давит она!

Я за каждым слезу проходим,
Дева ль, отрок или старик,

Все я чувством странным тревожим.
Слез горячих в сердце родник.

Кто узнать мою хочет участь?
Я дошел в несчастьи до дна.
Знал обиды и горя жгучесть.
О тоска, как давит она!

Трудно в горе. Но удивите ль
Разве им кого? Знаю я,
И великий, и малый — зритель
Переменного бытия.

Я дивлюсь, отчего порицать покоренных красую.
Власть ее без границ. Страсть безумною манит
мечтою.

Деве скажет влюбленный: «Я все напоследок
открою.

Этна в сердце потухла. Засыпано сердце золою».
Бедный житель земли, где сверкание страсти над
нами.

Не смирит увлечений и чувств непокорное пламя,
Если щедро природа ее наградила дарами,
Сердцу как не пылать, с красотою встречаясь
глазами?

Пусть напрасен огонь, что с собою приносит
горенье.

Смерть подходит поспешней; стремительней жизни
движенье.

Но скажу, принимая, как радость, часов
сокращенье:

«Я любви непокорной покорно приемлю веленья».
Разум гневно внушает: «О, будь осторожен.

доколе
Эти неизлечимые будут томить тебя боли?»

Но ответствует вкрадчиво сердце: «О, не все ли
равно ли?

Наслаждайся любовью, покуда любовь в нашей
воле».

МУХАМБАЗИ

О любимая! Безумен я. Мой удел жесток.
Нет таких стихов, в которых страсть я излить
бы мог!
Как мне выплакать, как мне в сердце скрыть
тайных слез поток,
Яд желаний, скорбь неудач моих и моих тревог?
В горе вверг меня, разлучив с тобой,
беспощадный рок!

Прежде слушал я, закрыв глаза, неземную речь.
Взор очей твоих блистал порой как разящий меч,
Пламень радости от их огня я хотел зажечь,
Видел нежный лик — бесценный дар наших
кратких встреч.
А теперь? Лишь память их я храню в залог.
В горе вверг меня, разлучив с тобой,
беспощадный рок!

Нежным ирисом украшен твой горделивый стан.
Не увянуть ни розам лакит твоих, ни твоим устам,
Сердца страстный стук в груди моей я считать
устал.
Пряди длинных кос, мгла волос твоих, — я
рабом их стал.

Сквозь узор чадры слепит глаза мне живой
цветок.

В горе вверг меня, разлучив с тобой,
безрассудный рок!

Ветви тополя — ветви рук твоих, далеки, горды.
Светят издали грудей твоих две ночных звезды.
Кипарис мой стройный, готов лобзать я твои
следы,

Пролил море слез, и горечь их — соль морской
воды.

Кровью залит мозг, туманит ум вечный вихрь тревог.
Как безжалостен разлучивший нас безрассудный
рок!

ГАФИ ХУСЕНИ

В небе на радость мне взойди, луна,
Негою, милою бессонным, полна!
Роем, влюбленные, сюда, ко мне!
Славьте и радуйтесь — светла она!

Ближе, скорей, тесней!
Все, кто поет о ней,
Гимны слагайте ей!
Лунным безумьем безумен я.

Светом пронизана ночная мгла.
Вижу, что радость вокруг меня легла,
Скорби во взоре моем места нет, —
Давнее горе навсегда ушло.

Ближе, скорей, тесней!
Все, кто поет о ней,
Гимны слагайте ей!
Лунным безумьем безумен я.

Взгляда чернильное озеро бурлит,
Сердце, пронзенное стрелами, болит,
Лик исцеленного от смертных мук
Сладостной влагою слез залит.

Ближе, скорей, тесней!
Все, кто поет о ней,
Гимны слагайте ей!
Лунным безумьем безумен я!

КИПАРИС ЭДЕМА

Я изгнан судьбою жестокой из рая,
В тени кипариса побыть не успел.
Я с ним разлучен. От желаний сгорая,
В безумьи я свой проклинаю удел.

О смесь хрусталя, и жемчужин, и лала,
Прибавлен рубин, пламенеющий ало.
Когда ты свой рот, говоря, размыкала,
Я, полный хвалами, был нем и несмел.

Прочерчены гнутые брови, а взгляды —
Озера чернильные, море прохлады,
И войско ресниц поразит без пощады
Меня остриями всевидящих стрел.

Двугранный хрусталь — обиталище света.
В тяжелые локоны шея одета.
Соперник, ты рядом? Как вынести это?
Тьма сердце связала. Где мукам предел?

Ты держишь копье, поразить им готова.
Не спасся и я от копья золотого,
И мне исцеленье — рассказывать снова
О ране, о том, как был меток прицел.

ГАФИ

Просьбы множу я: пощади,
Ты любовь воздвигла в груди.
Пусть голос милый
Спасет от могилы.
Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

Ты светило, но почему
Не всегда озаряешь тьму?
Пусть голос милый
Спасет от могилы.
Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

Сердце ты опалила вдруг,
Но не вылечила недуг.
Пусть голос милый
Спасет от могилы.
Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

Я увидел тебя, был рад,
После горечь вкусил и ад.
Пусть голос милый
Спасет от могилы.
Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

Солнце, что ты светишь в мой склеп?
Я, следив за тобой, ослеп.
Пусть голос милый
Спасет от могилы.
Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

Кто создал тебя солнцем, тот
Этим кару мне воздает.
Пусть голос милый
Спасет от могилы.
Сердце давно
Тебе вручено,
В ранах оно.

КАИДА

О роза, сердце влюблено,
Рассудок помутнен давно,
И роцей сделалось оно,
Где древо страсти возвращено.
Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

Коралл улыбкой рассечен,
Дарил мне одобренье он,
Но замкнут он. Ни звук, ни стон
Не слышны. Или клятвы — сон?
Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

Твой лик — тень облака на нем.
Готовы слезы пасть дождем.
Гляжу в чернильный водоем.
Мне слышен стонов мрачных гром.
Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

Что означает скорбь твоя?
Она мне — острие копыя.
Ты страждешь, слезы не тая,
Росу на розах вижу я.

Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

Ответишь: «Жребий мой жесток,
Тебя не вижу. Ты далек».
О, подожди, настанет срок,
К нам будет благосклонен рок.
Ты соловьям внушаешь пенье,
Жжешь, ранишь, даришь исцеленье.

КАИДА НА ОСМАНСКИЙ ЛАД

Огнем любовным охвачен ныне я.
 Всем сердцем твой.
 Взят в плен тобой.
За что же ввергла меня в уныние?

Лей, солнца лик, свет ослепленному!
 Агат волос,
 Ночь черных кос,
Прохладой вейте в сердце влюбленному.

Лук напряженный, не будь губителем.
 О, не томи,
 Мой бред уйми.
Явись, как прежде, светлым целителем!

Озер чернильных стражи грозящие,
 Ресниц лучи,
 Любви мечи,
Не убивайте, на смерть разящие.

Не прерывайте трель соловьиною,
 Розы ланит!
 Вам он звенит,
Радостно славит любовь единую.

Розовых уст цепи жемчужные,
Вас горячей
Наших речей
Нежная страсть, отзвуки дружные.

Груди твои — чета голубиная.
Как восхваляю
Тебя, что люблю?
Ты как кристалл сияешь, любимая.

Ствол кипариса! Твое колышание
В крови шумит,
Огнем томит,
В груди горячей сжало дыхание.

О, не губи меня, волоокая,
Плачу, любя.
Дай мне себя,
Я умираю! Сжалась, жестокая!

МУХАМБАЗИ

Как завидел взор красу твою,
Проклял я слепую судьбу мою.
Опустив глаза, пред тобой стою.
О звезда, пошли мне отрадный луч!
Снизойди, непреклонная!
Видишь, сердце влюбленное
Страсть терзает бессонная!

Прядью темных кос вяжешь сердце мне.
В душной тьме волос на живой волне
Хрустали и лалы горят в огне.
Как воспеть мне их? Стих тяжел, тягуч.
Покорись, непреклонная!
Страждет сердце влюбленное.
Дай мне счастье бессонное!

Вот чернильный блеск двух больших озер,
Темный лес ресниц окаймляет взор.
Тонкий лук бровей целит в грудь, в упор.
Что ж, рази стрелой, убивай, не мучь.
Не томи, непреклонная!
Видишь, сердце пронзенное
Жжет стрела раскаленная.

Лепестки ланит — алой розы куст,
Стройной шеи ствол, легкой ткани хруст,
Жемчуга зубов меж рубинов уст —
Их целящий сок ядовит и жгуч.
Исцели, непреклонная!
Видишь, сердце влюбленное
Страсть терзает бессонная.

Стебель шеи скрыл кружевной убор,
Нежной груди блеск как живой фарфор,
Двух птенцов ее жадно ищет взор,
Как рубины их клювы горят. Не мучь!
Заступись, непреклонная,
Гонит сердце влюбленное
Добродетель бессонная.

Ветви тополя надо мной сомкни.
Счастливы тот, кого осенят они,
Вдалеке от них безотрадны дни.
Меркнет взгляд очей, как вечерний луч.
Пощади, непреклонная!
Видишь, сердце влюбленное
Страсть терзает бессонная.

Горе тем, кто вступает в неравный бой.
Разлучен я с негой, гоним судьбой.
Но не плачу, нет! Я пленен тобой,
Пусть же бог меня поразит из туч!
Как мне жить, непреклонная,
Если сердце влюбленное
Страсть терзает бессонная?

Хотелось в безмолвии скрыть свой стон,
Чтоб жалобой сердца не тревожил он,
Но скрыть я не сумел, так был дух смущен.

К веселию, любовь, ты дала мне сил, —
Я голову теперь за тебя сложил.

Горе! Тяжкий гнет тоски жесток,
О, горе мне, горе мне, врач далек,
Одну оставил надежду злобный рок.

К веселию, любовь, ты дала мне сил. —
Я голову теперь за тебя сложил.

Лишен всего, что мило, судьбой забыт.
Сижусь и горько плачу я, тоской убит,
Так жалоба порою моя звучит:

К веселию, любовь, ты дала мне сил, —
Я голову теперь за тебя сложил.

Смертью грозите мне, но к чему грозить?
Я, обездоленный, мертв, довольно жить,
Я труп, и все равно мне, где буду гнить.

К веселию, любовь, ты дала мне сил, —
Я голову теперь за тебя сложил.

Я, уходя, рыдал, и в слезах она,
Мне расставанья боль не была страшна.
В жертву отчаянью жизнь давно дана.

К веселию, любовь, ты дала мне сил, —
Я голову теперь за тебя сложил.

Прощай, земля, вода и весь белый свет,
Слезы мои текут, и числа им нет,
Глухо взываю я, — где найду ответ?

К веселию, любовь, ты дала мне сил, —
Я голову теперь за тебя сложил.

Жестокая метнула меня судьба,
Лечу как из пращи, но к тебе мольба:
Помни, что верность живет в груди раба.

К веселию, любовь, ты дала мне сил, —
Я голову теперь за тебя сложил.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕРСИДСКОМУ

Не терзай, не мучь сердца мне.
Горький яд не лей в сердце мне.
Покажи на миг светлый лик,
Озари на миг очи мне.

Врачевали мне сердце от ран мудрецы,
Говорили: «Пируй — исцелишься». Льстецы!
Вы же сами заставили радость забыть.
Вот — бальзам сумасшедших! Безумцы, глупцы!

Отзовись, верни сердце мне.
Успокой, утешь сердце мне.
Покажи на миг чистый лик.
Озари очи мне.

Запретили мне, радость, тебя лицезреть.
Проклял я их лукавство. Рвался умереть:
Каждый день без тебя умножает тоску.
Разве эти слепые умеют смотреть?

Появись, открой сердце мне,
Исцели лаской сердце мне,
Хоть на миг яви гордый лик,
Услади очи мне.

Не свеча ты, тебя ль со свечою сравню:
Разве я мотылек, чтоб сгорать, подлетевши к огню?
Нет, ты солнце — источник палящих лучей,
А зайдешь — я иссохну, как дуб на корню.

Воротись, вернись в дом ко мне.
Не терзай разлукою сердце мне.
В сладкий миг незабвенный лик
Покажи, утешь сердце мне.

О, довольно разлуки, вернись, и пребудем вдвоем.
Мы рубинами губ сочетаемся, души сольем!
Сладкий голос вдохни в мой безжизненный слух,
Исцели! Эти раны твои — раны в сердце моем.

Воротись, вернись в дом ко мне,
Сладкий яд пролей в сердце мне.
Хоть на миг яви нежный лик,
Услади очи мне.

Ужасный бой, смешались мечи вокруг и
выстрелы,
И пуля раскаленная, всю тяжесть потерявшая,
Летит в сверканьи пламени, за нею вслед незримая
Пространство пролетает смерть, от жизни
отделяет нас.

Одарен тремя он дарами был, чтоб согнуть
хребет всем врагам своим:
Прозорливый ум и испытанный, сердце смелое и
бесстрашное,
И рука его непоборная, на врагов мечом
ополченная.
Замышляет он, и дерзает он, совершает он, что
замышлено.

МУХАМБАЗИ КАЗАЛИ

Как мечом, рассечен я тоскою,
Тело чуть не рассталось с душою.
Нет надежд, через стекла бинокля
В солнце всматриваюсь золотое.
Ах, не нежиться больше нам вместе.
Хоть я разум оставил с тобою.
Путь утрачен, напрасны желанья,
Не итти мне дорогой прямою.
Львом вгрызаясь в несчастное сердце,
Стала дикой любовь моя, злою.
«Душу мне возврати, заклинаю!» —
Побледнев, обращаюсь с мольбою.
Вздохи вызвав, ты вздохов не слышишь,
Двери слуха ужель не открою?
Если ты не даешь исцеленья,
Значит, вправду я проклят судьбою.
Жизнь, как нить, обрываешь мне гневом.
Нить свою порву я рукою.

МОЯ МЕЧТА

Зачем ты явилась вновь, мечта вдохновенная,
Чтоб роем знакомых грез душа озаренная,
Надежды ушедший лик узрев на мгновение,
Припомнила дней былых живые видения?
Судьбою повергнут в прах, я знал лишь
страдания,

И ею лишен был я навек упования.
Останься со мной, мечта, верни мне видения
И прежние слезы ты и вздохи томления,
Пахни ветерком былым, мое ты лицо обвей,
Усталой душе на миг дай сладость прошедших
дней.

Будь, радость, со мною ты, пусть длятся
мгновения
И сердцу больному дай усладу забвения.

И лилии душистые, и розы благовонные
Ограбили румянец твой, красой твоей смущенные,
И я сорвал врагов твоих — цветы, в полях
взращенные,
Принес твоих грабителей, взглянув в глаза
бездонные.

Тот блажен, кто вблизи тебя, кто живет для
тебя одной,
Если радует голос твой, если сердце полно тобой,
И, пылая. рубины губ улыбнутся ему порой.
То пьяня ароматом роз, то вонзая шипы иглой.

Но в роще, где поблизости луга цветут зеленые,
Покрытые пахучими и нежными бутонами,
Кто сердце бережет свое, чтоб не томилось
стонами,
Бойся пусть в кустарниках встречаться
с купидонами.

КАВКАЗ

Став гордым теменем—Понтийских волн пределом
И в Каспий врезавшись своим прекрасным телом,
Суровый Голнаф меж двух морей возник—
Кавказ, величием исполненный тайник!
Край дикой прелести таинственной природы,
Как непрерывный пот, твои струятся воды—
То реки грозные, срываясь с мощных плеч,
В долины дальние к полям стремятся течь.
Он горы на хребте своем вознес на горы.
Тысячелетний снег грозит покрыть просторы,
И если скатится одна из тех громад,
Услышишь ты тогда, увидишь белый ад,
Ты обезумеешь, коль в бешеной погоне
Промчатся груды льда, как скачущие кони,
Взметая до небес густую пыль снегов.
Им путь оврагами до пропасти готов.
Но буря зимняя свистящими ветрами
День превращает в ночь, в туманы над горами,—
То вновь идет потоп менять лицо земли.
Здесь рухнула гора, там нивы полегли,
Сосновые леса в песчаный прах поникли,
Здесь сушей стал ручей, там скалы вдруг возникли.
А повелитель гор—себе лишь верен он,
Он рушит и родит—таков его закон!
Но солнце мирное восходит над Кавказом,

Окружено венцом, оно сверкнет алмазом
В тысячегранных льдах и водяной пыли,
Чтоб брызги золотом и радугой цвели,
И капля каждая стоцветным переливом
В природной красоте горит великим дивом.
Благоуханные на пастбищах цветы
Зовут к себе зверей спуститься с высоты.
Выходит медленно олень из темной чащи,
И, встречи не страшась с охотником разящим,
Он вниз глядит, склонив ветвистые рога
Над родиной громов, где тают облака.
И кто ж быстрее его? Лишь тур высокогорный,
Чьи острые рога копыт его упорней.
Он устремляет взор на неприступный лед
И от бессилия проклятие ревет.
Там скован Прометей был волею недоброй
И мучим вороном, ему терзавшим ребра,
И той горы утес бесплодный и нагой
От века человек не попирал ногой.
Лишь тот, кого труды военные вскормили,
Горою овладел — бесстрашный Цицишвили.
И Терек, наконец, познал себе предел,
И скалы двинулись — ворота славных дел,
И северных коней тяжелые копыта
Дробили ложе рек и высоту гранита.
От всадников огонь летел тысячерук,
Стальные молнии пожарами вокруг
Гремели, падали, Кавказа грудь разили,
И, стонущий от ран, он покорился силе.
Поверили тогда Иверии сыны,
Что будут тем путем они просвещены.

ОПЬЯНЕННОЙ

Нарцисс полей, в свой гордый лик невыразимо
влюблена,

Не в лоно вод глядишься ты, ты смотришь
в зеркало вина.

Подобно розе, глубиной пурпурных струй отражена,
Ты упиваешься собой, собой одной опьянена.

Не верь, когда в тиши ночной, в тени
задумчивых ветвей,
Возвысив голос, о любви поет влюбленный
соловей.

Томиться — тоже ремесло. О чем и петь, как не
о ней?

Ведь он — болтлив. Моя любовь и молчаливей и
нежней!

Олушай, луна, страстным оплот, заступница
строгая!

Светом своим нас облеку, ризою млечною.

Сколько бы ты в небе ни шла синей дорогою, —
Наша любовь будет звездой верной и вечною.

Пойте, друзья! Пойте звончей: вы еще молоды.
Это — от бога дней и ночей звонкое золото...

Пойте, пока смотрят на вас нежные женщины;
Радуйтесь, юностью венчаны!
Может, и мне снова дано вашим весельем
Горькую горечь слез развести светлым похмельем!

Твой ясный разум светится звездой несравненною:
Лишись ты нежной прелести, сиял бы он
денницею;
А красотой возвышенной поработив вселенную,
Ты вправе стать безумною и все же быть
царицею.
Но отвечай: к чему тебе достоинства чудесные,
Покуда пылкость юную ты гонишь прочь,
красавица?
Ведь пламя чувства сладостней, чем все дары
небесные;
И ум и прелесть мертвенны, пока любовь не
явится.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ДЕВУШКИ

Ты была так прекрасна. Но что ж? В мире этом
Недолговечна, увы, и сама красота.

Что прекрасней цветения розы под утренним
светом?

Но уж вечером роза померкла, и роза — не та.

Кровожадная смерть жестока и непреодолима,
Сколько б ты ни просила, — остается глухою
к мольбам.

Она реет над миром, — и в руке ее неотвратимый
Острый меч, — выполняя свой долг и не внемля
слезам.

КАМЕНА

С восторгом и радостью сегодня надену я
Подарок, мне присланный, неожиданный, — кольцо
твое.

Целую с волнением, и образ Камены я
Рисую в мечтах моих, и сердце стучит мое.

О, если желанное кольцо я смогу забыть,
А также сковавшее нас чувство сердечное,
То в то же мгновение отпущенным я должен быть:
Ты, счастье пославшая, дай горе мне вечное!

Тебя, недоступную и к стонам привычную,
Красавицу гордую, любовью маящую,
Но с грудью из мрамора, люблю безгранично я,
Камену прекрасную, надежду дарящую.

Когда же главу мою к тебе на колена я
Склоняя блаженствовал, владея судьбой вполне,
И взорами счастлив был, твоими, Камена, я,
И чудной улыбкой ты душу живила мне!

Ужели спокойное лицо твое, светлое,
Пленило одно меня и в цепи сковало? Нет,
Как память далекая, кольцо то заветное,
Все чувства пленившее, связало на много лет.

Не мни, что во своей ты власти,
Как я, и ты однажды будешь
Рабом неумолимой страсти.

Был дерзок я в молодые годы,
Кичился я своей свободой,
Не ведал я влюбленных горя,
Любви томительной невзгоды.

Встречался ль мне безумец бедный,
Всевластных чар невольник бледный
Я мыслил: «Жалок жребий мужа,
Чье скрылось мужество бесследно».

Но гордый мир души надменной
Во прах развеялся мгновенно.
Твой лик чарующий увидел —
И сил в душе не стало пленной.

Меня настигнул рой печалей,
Густые сумерки объяли,
И, узам рабства не противясь,
Уста покорно замолчали.

И от страстей внезапно милых,
Как пламя, кровь зажглася в жилах,
И, изойдя в слезах и столах,
Себя узнать я был не в силах.

ОЗЕРО ГОКЧА

Гокча-озеро! Морская гладь неоглядная!
То, бурля, режут валов твоих змеи черные,
То, живой хрусталь, недвижно лежишь, нарядное,
Отразив в себе сапфирный свод, выси горные.

Там, где некогда цвели вокруг села пестрые,
Только крики сов слышны теперь полунощные;
Да в колючках трав тоской полны камни
острые —

Тени прошлого, пустых руин глыбы мощные.

Этот мрак и боль, что живут в тени по развалинам,
Эта смерть и тлен, эта скорбь твоя и убожество
Входят в сердце нам, красой живой опечаленным;
Стоном горестным сквозь них говорит ничтожество.

Вот обломки стен, поросшие буйной гущею...
Не судьба ли то, о гордый град, всех
разящая?

Вот что мне сулит из мрака мое грядущее!
Человек-слепец! К чему твое настоящее?!

Тут был гордый храм, и не ведал он запустения.
В нем склонялись ниц цари земли пред святынею.
Здесь хвалебные народ слагал песнопения, —
Тут лишь тень руин бежит теперь над пустынею.

Только дикий зверь шуршит в траве меж
утесами,
Перед тем как лечь на землю, огнем
сожженную.
Иль ярмо волов проскрипит в тишине
колесами:
Путник спрячет в тень арбу свою нагруженную

Вот квадрат камней. Еле виден он под бурьянами.
Это — рынок был, со дворами и переходами,
С тенью лавочной и с купцами-армянами,
С их товарами и с их доходами;

Были многие из них людьми именитыми
По доверью народному, по изобилию...
Прахом стало богатство их под этими плитами,
Ветер след их вокруг развеял пылью.

Видишь дикий луг? Усеян он весь осколками.
Похвалялись здесь джигиты делами смелыми;
Нагибались над вспененными холками,
Перебрасывались копьями и стрелами.

Эти камни, огромные и молчаливые,
Громоздились вокруг тебя в чертоги стройные,
И на тяжкий труд взирали с высот, счастливые,
Их хозяева, довольные и спокойные.

Повелители, земным божествам подобные,
Восседали тут благие, иль непреклонные
Зрели помыслы — те добрые, эти злобные, —
Тлела ненависть, ворковали влюбленные.

Сколько девушек, пышнее роз расцветающих,
Созерцали тут валы твои прибрежные,
Сколько локонов, над чистым челом
взлетающих,
Охлестнула водяная пыль, брызги снежные.

А луна вверху — сколько раз она закрывалась,
Уступая в блеске их радостному племени!
Но разрушилось это все, все миновалось
Под косою всесокрушающего времени.

Любила ты, ждала ты, влюбленная,
И я любил эту жизнь случайную.
У ног твоих, тебе посвященная,
Она влекла меня негой тайною.

Но ты забыла, пиры и веселье —
Все минуло. Горькое в сердце похмелье.

Любила ты, и дары несметные
Земля несла мне горстями полными.
Как голос твой, ветерки рассветные
Журчали, пели, струились волнами.

Ушла, забыла! Пиры и томленья —
Все кончено. В сердце лишь яд
сожаленья.

Любила ты, и сквозь зелень зыбкую
Вплетало солнце в твоё дыхание,
Как вечный май с золотой улыбкою,
То роз, то лилий благоухание.

Ушла ты, забыл, разлюбил я веселье,
Лишь горькое сердцу осталось похмелье.

Любила ты, и ко мне бессонные
Слетали музы с кудрями дымными,

И звуки, сами собой рожденные,
Срывались с губ неземными гимнами.

Ушла ты, забыл я их звон и томленье,
И жалит мне сердце змея сожаленья.

Любила ты, и тайного бдения
Не прерывал даже сон таинственный:
С ним возвращали мне сновидения
Твой милый образ, твой лик единственный.

Но ты забыла. Пир и веселье —
Все бросил я Тягостно сердцу похмелье.

ДВУСТУПНІЯ

Как ни владело бы нами трезвое благоразумье. —
Юность с любовью всегда сделают что захотят.

Нем язык мой, изранено сердце, и тоски
оглушителен бред.
Говори же, Любовь, что еще у тебя остается,
что еще ты хранишь мне во вред?

Тебя испытавшие ропщут: «О горе, лишились
мы разума с нею!»
Безумным — но лишь бы с тобою! Убей, — если
я пожалею!

НА ГОЛОС МАНСУРА

О полная луна,
Один я, ночь темна,
Взойди, светла, ясна,
Весь мир мне озаряя;

Ты, уходящий в высь,
Сын неги, кипарис,
Склонись ко мне, склонись,
От зноя укрывая;

О милая, твоя
Краса — вся жизнь моя,
Чтоб исцелился я,
Врачуй, не промедляя;

Владычица цветов,
Ты роза, от врагов
Стеречь тебя готов
Я, грудью защищая;

Ты разум отняла,
Ты сердце в плен взяла,
Молю, чтоб приняла
И душу ты, родная;

Сирень, твой аромат
Собой наполнил сад.
О, дай мне миг отрад,
Другим предпочитая;

По правде рассуди,
Услышь мой стон, приди
И муки услади,
В уста меня лобзая.

ЦАРИЦА ПРЕЛЕСТИ

О царица прелести,
Я сражен разлукою!
Сердце горько сетует,
Скованное мукою.

Где ты, врачеватель мой?
Как же мне утешиться?
С кем начну взамен тебя
Новым счастьем тешиться?

Губишь ты, коварная,
Страстью лучезарною.
Слаще тешить столами
Улицу базарную.

Сердце ж дальнорское
Мчится за далекою...
Весь сияю радостью,
Увидав жестокою.

Каждый миг свидания —
Счастье несравнимое:
В пытках славлю гордую,
Но молчит любимая.

СААРН

«**О** роза, что ты клонишься,
Потупясь, к долу темному?
Не смотришь на влюбленного,
Не внемлешь зову томному?» —

«Поднять могу ли голову
К тебе, певец таинственный:
И страсть твоя и пение
Не отданы единственной!» —

«И ты благоухание
Даруешь всем, прекрасная;
Будь только соловьиною, —
Увидишь пламя страстное.

Поникни, роза, надо мной!
Я стану петь тебе одной;
Тебе отдам последний зной,
В твоей листве умру весной».

РОЖДЕНИЕ СЫНА

Музы слетайтесь, спешите,
Небо Улисса оставьте,
Лиру настроив, сложите
Песню и сына прославьте!
Сына, рожденного солнцем,
Львенку подобного, — славьте!
Солнце, вернись домой...

Славьте младенчество сына,
Розовость щек его сладких,
Губы, краснее рубина,
Львиную эту повадку.
Солнце луну породило,
Выскажем эту догадку!
Солнце, вернись домой...

Солнце сияет высоко, —
В нимбе лучей золотистых
Сын мой лежит черноокий,
Очи в ресницах пушистых.
Пляшут и пьют, раздаются
Песни певцов голосистых.
Солнце, вернись домой...

Гостеприимный родитель
Радостно всех угощает, —
Сына ему вседержитель
Как благодать посылает.
Счастлив, что в доме отныне
Солнце — Луна украшает!
Солнце, вернись домой...

Сына Георгия громко
Песней я славлю рождение,
Славлю Давида потомка,
Верного сердца биенье.
Пусть же на долгие годы
Примет он жизнь, как владенье!
Солнце, вернись домой...

К уродам приязнь и доверье ужели возможны?
Я выплачу горе, что вынес от дружбы их ложной.

Ребенком еще, расцветая под кровлей чужою,
Обид не сносил я и, юный, гордился собою,
Луне в полнолуние подобный, сверкал красотою.
Там жил я — и в жизни не ведал унынья
мгновений.

Но миром превратным душа моя выжжена ныне.
Он лстивою речью проникнул мне в сердца
твердыню,

В отчаянья плен заточил, где один, как в пустыне,
Я жалостно кличу, — не слышит никто моих пеней.

Кто людям, беспечный, доверится, горестно станет
Судьбу проклинать — и судьба ему мстить
не устанет.

Поймет он в тот миг, когда жизнь его веру
обманет,

Сколь много я мук перенес и терпел поражений.

Я в долину спустился, чтоб сердце утешить
в печали,
Встретил милую там. «Вот фиалка твоя», — мне
сказали.
Я ей подал стихи — все богатства они
заклучали, —
Но — таков этот мир — я покинут был девой
жестокрй.

И ошутало горе меня, и померкнул мой разум, —
Все богатства мои и сокровища сгнули разом,
И, отвергнутый раб, я безжалостно ею наказан:
Я в темнице глухой, где темней, чем в могиле
глубокой.

Обезумев, воскликнул: «О, чем согрешил я, —
не знаю»
Отравила она мое сердце тоскою без края,
Не жалея меня, и теперь я лишь смерть
призываю, —
Умереть лучше мне, чем страдать так душой
одинокой!

МУХАМБАЗИ

О, струющийся в благоговеньи
Ветерок, опускайся сюда,
Солнце вызови для услажденья,
Чтоб разрушить кров снега и льда.
Чтобы вызвало солнце растенья,
Словно мать, чтоб фиалка, горда,
Встала первой под солнечной сенью.
И любовь принесет упоенье,
И веселье влюбленным тогда.

И потом, коль фиалки толпою
Выйдут, головы склонит их рать,
Солнце благодаря золотое,
Породившее их, словно мать.
Скажет каждая: «Вот я живую,
Долговечною стала опять,
Я окрепну от солнца и зноя,
Люди будут мой запах вдыхать,
Для веселия, для ободренья,
И любовь принесет упоенье,
И веселье влюбленным тогда».

Видишь, всюду идет ликование;
Торжествуя, явилась весна.
И любовь прилетает за данью,

Ароматами озарена,
Преклоняясь, любое создание
Власть ее принимает сполна.
Тут излечит бывшее страданье,
Тут изранит внезапно она,
Иль красавицу даст во владенье,
И любовь принесет упоенье,
И веселье влюбленным тогда.

Воробьи расчирикались. Градом
Соловьиная песнь упадет.
Нет числа столкновеньям, засадам,
Бой, царапанье, быстрый полет.
Похититель стремится к наградам,
Поцелуям кто ведает счет?
Побежденный скрывается рядом,
Порицанье ему, не почет.
Нет в весельи отдохновенья,
И любовь принесет упоенье,
И веселье влюбленным тогда.

Темным садом, чадрую одета,
Бродит дева, заботам чужда.
Сердце юноши страстью согрето,
К ней навстречу он вышел сюда.
Солнце стрелами яркого света
Ранит, облак уходит гряда.
Дева молвила слово привета.
«Жаждем мы. Где от жажды вода?
Видишь — куполом ветви. Под тенью
Нам любовь принесет упоенье,
И веселье вкусим мы тогда».

Г. ОРБЕЛИАНН

АНТОНУ

Спеши, спеши, о юноша,
Развеять светлой жизни пыл,
Чтоб в счастье и беспечности
За чашею ты жил, любил.
Не трать же ни мгновения,
Улыбки не сгоняй с лица.
Пока ты полон радости,
Пей счастье жизни до конца.
Не думай, друг, что молодость
Беспечная всегда с тобой.
Ведь время беспощадное
Возьмет ее своей волной
И с ней улыбку радости,
Недолго жить любви цветам,
Уж скоро старость мрачная
Придет неожиданной гостьей к нам.
Как роза пышноцветная
Роняет лепестки свои,
Как нежный сон, который нас
Лелеет в легком забытьи,
Бежишь ты, юность быстрая,
И за тобою нет следа.
Ланит румянец, свежесть уст,
Увы! уходят навсегда.
Блажен, кто в этом мире знал

Любви блаженство с юных дней,
Кто вместе с сердцем жизнь свою,
Блаженства полный, отдал ей.
Кто радости не знал иной,
Кто жил, любовью лишь дыша,
Чье сердце билось только с ней.
Хочу я лечь в могилу той,
Которой я дышал и жил,
Кто был блаженством для меня
И назначеньем жизни всей
И для кого в блаженстве я
Порой лил слезы в тьме ночей.
Я видел смерть ее, а сам
Остался в этом мире жить.
Я волю дал своим слезам —
Мне одному здесь горе длить.
Я мира, где мы все живем,
Измену сыздавна постиг.
Все, что есть радостного в нем,
Увы, живет один лишь миг.
Меня не радует с тех пор
Своим явлением весна,
И мой не омрачает взор
Уходом горестным она.

28 марта 1832 г.

ПЛАЧУЩЕЙ Н(ИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ)

Глаза твои огромные
Внезапным горем ранены,
Печальные и томные
Слезами отуманены.
Склонись, светило скорбное,
Ко мне на сердце нежное.
Отдай мне горе. Вздохами
Отгоним неизбежное.
Не бойся слез целительных:
Прекрасна ты, скорбящая.
Полна небесной прелести
Роса, в очах дрожащая.
То падают жемчужины
На розы благовонные.
Спугнуть их жаль. И радостно
Смотреть в глаза бездонные.

МУХАМБАЗИ

О, не лей вина! И так я пьян красотой твоей.
А не то предаст, все выскажет, не стерпев, язык,
Все, что долго так я в сердце нес и таить

привык —
Безнадежную любовь мою, каждый час и миг,
Вздохи, муки все, безумие, гибель жизни всей, —
О, не лей вина! И так я пьян красотой твоей.

Буйство сердца я лишь разумом успокоить мог,
Только разумом, — но хочешь ты, чтоб и он
поблек!

Может всё отнять красы твоей молодой цветок.
Взор твой ласковый, внимания небольшой залог.
Это знаешь ты — сама ж, смеясь, предлагаешь:

«Пей!»
О, не лей вина! И так я пьян красотой твоей.

Но не хочешь злых прервать своих ты желаний
ряд!

Если выпью я хоть чашу всю, — не дождусь
наград.

Дай же розы мне ланит своих обонять стократ,
В аромате их и смерть свою я испить бы рад!

Что любовь, когда про страсть к тебе и сказать
не смей!

О, не лей вина! И так я пьян красотой твоей.

На лицо твое люблюсь я, и сильна печаль.
Верю, верю я: цвет щек твоих — что в цвету
миндаль.
Я убит мечтой прижаться к ним, удержусь едва ль.
Силы нет терпеть, скажу тогда: хоть убей,
не жаль!
Обезумел я, растаял весь, отзовись скорей!
О, не лей вина! И так я пьян красотой твоей.

М.

О звезда, объясни сама,
Чем смутила ты сердце мне.
Почему, увидав тебя,
Я дрожу и горю в огне?

Почему, позабыв слова,
Пред тобой я стою немой?
Только вздохами можно мне
Почему говорить с тобой?

Не искать, не видеть тебя
Много раз я клялся себе;
Но увижу лишь — весь горю,
Рвется сердце мое к тебе.

Забываю я все вокруг
И в безумной любви своей
Проклинаю красу твою
И как богу молюсь я ей.

Много раз говорил: «Забудь»
Разум мой, но его слова
Исчезают как легкий дым,
Только встречу тебя едва.

И еще горячей, сильней
Сердце льнет к тебе оттого,
Что с ним вместе летит к тебе
Разум, ставший рабом его.

ПРОЩАНИЕ

Как роса украшает утрами
Распустившихся роз лепестки,
Слезы, скатываясь за слезами,
На лице, словно жемчуг, горьки.
Плачешь ты, уйду — и ни слова.
Дорогая, где сыщется речь,
Чтоб тебя успокоить, чтоб снова
Нас обоих от слез оберечь!

Где набрать мне наименованья
Для любви, для тоски? И вдвойне
Душу отягощает страданье,
Затаенное, молча, во мне.
Тот, кто подлинной полон любовью,
Знает, слов не находит она,
Лишь вздыхает, боясь суесловья,
И в безмолвие погружена.

Этот пламень невидим. Он яро
Жжет, но не оставляет следа.
Сердце, ты, не приметив пожара,
Тем вернее сгораешь тогда.

Есть любовь — водопадом с обрыва
Упадет, но, сорвавшись с высот,

Успокоится и боязливо
И беспомощно долом течет,
И склоняется перед разлукой.
То бессильного сердца любовь
Чуть всплакнет, — и расстанется с мукой
И открыто для радости вновь.

Но скалистое сердце такое,
Как мое, страсти след сохранит.
Не сотрет его жадной рукою
Время, — вечен суровый гранит.
И пока жизнь во мне сохранится,
Солнце видеть могу и луну,
До последней смертельной границы
Я любить тебя буду одну.

М.

Вкруг тебя рой влюбленных —
Мотыльковая стая.
Всем казаться прелестной
Хочешь ты, дорогая.
Принимаешь с приязнью
Ты хвалебное слово
И обманной надеждой
Утешаешь любого.

Я затерян в их круге,
Жалят ревности стрелы,
Ни вниманьем, ни словом
Ты меня не согрела.
Скорбь мою и волненье
Если б ты погасила,
Чтоб любви беспощадной
Успокоилась сила!

Ты не знаешь, как жгуче
Это жадное пламя,
Как сгораю от горя
Я иными часами.
Все ж ты мне драгоценна...
В сердце входит утеха.
Вот сижу и люблюсь,
Полон счастья и смеха.

ЭПИТАФИЯ МИРЗАДЖАНА

Ты хочешь счастлив быть, но счастье изменяет.
Люби и пей, как я! Бесследно растворяет
Всю горечь жизни пьяное вино.
Люби и веселись! Хмельному все равно.
Пред черною судьбой хмельной поет без страха.
Хоть жизнь познай до дна, ты станешь горстью
поаха!

НОЧЬ

Любви приспешница, луна,
Вставала в радостном сияньи,
И ветерок, в томленьи сна,
Срывал с цветов благоуханье.
В кустах сокрытый соловей
Во славу розы заливался.
В тот миг в душе моей сильней
Огонь желанья разгорался.

Сплетались лозы надо мной,
Широким сводом наклонились,
Душа моя и разум мой,
В силок любви попав, забились.
Мне медлен был минут поток,
Меня томило нетерпенье,
От тех кустов отвести не мог
Я глаз, как в некоем навожденьи.

Мелькнула ль и сокрылась там
Мечта лукавая случайно?
Чей вздох пронесся по кустам?
И сердце чем стеснилось тайно?
Душа в смятеньи прежде глаз
Поведала мне близость милой, —

Едва увидел — и уж нас
Лобзание соединило.

Сплелись, сплелись тесней
Душа и мысли нас обоих.
И в море сладостных страстей
Волною чувства увлекло их.
Сердца не бились в этот миг,
Глаза покрылись темнотою.
Утратив разум и язык,
Расстались, мнится, мы с землею.

Где были оба мы тогда,
В какой стране обетованной?
Но память не хранит следа
Поры блаженства несказанной.
Неслись часы; неуловим
Нам был полет их быстротечный.
Так чувство пламенем своим
Уничтожает разум вечный.

Тогда познал, что времена
Бывают райские на свете.
Но, не дав жизнь испытать до дна,
Почто бегут мгновенья эти?
Зачем не вечность наш удел?
И радость омрачится тенью
От мысли скорбной, что предел
Положен в мире наслажденью.

Разлуки возвестила час
Заря далекая с востока,
Тогда тоска объяла нас,
Что ночь прошла в мгновенье ока.

И день, что нас разъединял,
Злосчастный, предал я проклятью,
И поцелуй прощальный стал
Любви священной печатью.

Новгород. 1832

К ЯРАЛИ

Скоро ль сядем мы, друг мой Ярали,
На лугу с тобой, под чинарою,
 Чтоб по-нашему —
 Полной чашею —
 По-старинке пить,
 Приговаривать:
 «Яри-Арали!»

Чтоб на вертеле, на огне шипя,
Мцвади жарился, жирной лани кус,
Обоניה наше тешил бы,
Дивным запахом разжигал бы вкус.

Чтоб открыли мы путь к веселию
Кахетинскою азарпешею,
Чтобы рыбою, сыром, зеленью
Возлияния перемешивать.

 Небо чистое,
 Небо близкое
К нам склонялось бы, взоры радуя;
 Свежий воздух гор,
 Ветерок с Коджор
Овевал бы нам лбы прохладю.

Ты б рассказывал —
Юный разум мой
Просвещала бы речь спокойная —
Про Иверню,
Львиносердыми
Столь богатую встарь героями.

Ты б рассказывал, как к оружию
Наши юноши, лишь заслышав зов,
Устремлялись вмиг, чтоб, обрушившись,
Точно гром с небес, сокрушать врагов.

Горе тем врагам, кто в расселины
Иль в лесную глушь не бежал от них!
Уничтожены были все они:
Сокол голубя бил без жалости.

Я завидую тем, кто родине
В жертву жизнь принес, помню твердо я
Дни, в которые в сердце каждого
К ней любовь жила необорная.

Дней, в которые крепкой верою,
Истой верностью, бранной удалью
Слава громкая за иверамн
Так упрочилась, не забуду я.

Все бы слушать мне, как на празднике.
На ристалище гордо съехавшись,
Наши юноши, игр участники,
Блеща ловкостью и доспехами,

В седла вросшие, словно тополи,
На два лагеря сразу делятся,

Ветерка быстрей мчатся по полю —
Что за дивное было зрелище!

Топот, ржание,
Блеск, бряцание,
Копий молнии,
Лезвий сполохи,
После бешеной
Скачки — спешенье.
Снова взлет в седло,
Шашки отсветы!

Стрелы этих летят уверенно
Прямо в сердце орла парящего,
Те на дальней скале в серебряный
Кубок метят стрелой жужжащею.

Вся величье, в игре воинственной
Принимала участие взорами
Та, которой на свете нет уже,
По которой мы плачем горестно.

Время славное, время прошлое
Унесло с собой все хорошее:
На чужбине лью слезы ныне я
Над святыми для нас могилами.

Где же он сейчас
Наш герой, чей глас
Разбудить судьбу в силах сонную?
Чей один удар
Сверг бы навсегда,
Уничтожил бы власть драконову?

Но к чему себя тщетно тешим мы,
О мой Ярали? Все мечтанья — бред.
Где стол с зеленью, с азарпешами?
Пьем мы только квас, зябнем на дворе.

Как родных небес хоть полоску нам
Увидать? Ведь твой Петербург — тюрьма,
И тюрьма мне глушь новгородская,
Где мороз свиреп, где угар в домах.

Дни минувшие, дни блаженные
Сердцу бедному вспоминаются.
Но и горький плач — утешенье нам:
Плачем наша скорбь облегчается.

МУХАМБАЗИ

Ни для кого досуга мне нынче нет:
Я нынче зван к моей Саломэ в обед.
О том я объявляю — Бежан-портной —
Букет для женщин, ставший для них душой!
Бывало, где какая блестит красой, —
К любой мне дверь открыта и в час любой.
Куда пойду, веселье несу с собой.
Но для других досуга мне нынче нет:
Я нынче зван к моей Саломэ в обед.

Ее лицо я с полной сравню луной, —
Скользит на грудь хрустальную луч дневной.
Лишь вспомню, как сказала: «Бежан ты мой!» —
Как может сердце не замереть тоской,
Так много дней пылавшее к ней одной?
Вот оттого-то нынче досуга нет:
Я нынче зван к моей Саломэ в обед.

Слабеет страсть, коль часто бывать с другой.
Вчера хотя и ждали меня толпой,
Пускай в досаде полнили взор слезой, —
Нейду в предместье, скучен мне женщин рой.
Иных красавиц слышу упрек порой!
Все ж для других досуга мне нынче нет:
Я нынче зван к моей Саломэ в обед.

Как мотылек, сменяя цветок цветком,
Их выпьет сок и дальше махнет крылом, —
И я: к одним обедать отправлюсь в дом,
К тем ужинать, пробуду и ночь потом, —
На свете кто ж еще в кутеже таком?
Но только нынче вовсе досуга нет:
Я нынче зван к моей Саломэ в обед.

Все думаю о женщинах день-денской,
Не шит заказ, иглы не веду рукой, —
Глазам весь день мерещится стан прямой,
Объятья этой, сладкая ласка той.
Ах, испустить бы дух мне в гульбе такой!
Однако нынче вовсе досуга нет:
Я нынче зван к моей Саломэ в обед.

Судьба низвергла много больших вельмож.
А ты — гляди — как прежде. Бежан, живешь!
Мяч и майдан — твои, у тебя все то ж.
Как нынче вечер будет вдвоем хорош!
Бежан, подпрыгни! Все-то тебе кутеж!
Оставьте, нынче вовсе досуга нет:
Я нынче зван к моей Саломэ в обед!

ПОДРАЖАНИЕ САЯТ-НОВЕ

Я Аргутин Саят-Нова. Мой стих
Ведет меня. Я впереди других.

Саят-Нова.

Чианури! Голосом тонким и сладостным пой.
Тому поклонись, кто твоей очарован игрой.
Пусть враг заскрежещет зубами от злобы немой.
Хинико, хинкико!

Его борода пусть проклятьями будет полна.
Пусть красного в чашу нальют до краев мне вина,
И прежняя радость пусть сердце наполнит до дна.
Хинико, хинкико!

Когда-то я счастья и радости розу держал,
Но, черной судьбою нежданно сраженный, я пал.
Изгнанник из мира, я в царство печали попал.
Хинико, хинкико!

Я пел вдохновенные песни и жил без забот,
Не зная, что острая в сердце стрела попадет.
Да будет мне, пленному, небо — надежды оплот!
Хинико, хинкико!

Во славу любимой звени, чианури струна!
Хрустальное сердце свое отдала мне она.

Знакомого больше, увы, не видать мне окна.
Хинико, хинкико!

Я родинку вспомню и нежность лилейных ланит,
И прежним огнем мое бедное сердце горит.
Что горечь разлуки и муки мои утолит?
Хинико, хинкико!

Любовь нам дарует забвенье житейских страстей.
Я брошен в пучину отчаянья, в бездну скорбей,
Но верный мой разум стремится попрежнему к ней.
Хинико, хинкико!

Судьба напоила мне душу отравой-тоской,
Ей мало казалось — пронзила мне сердце стрелой,
Но горше всего — разлучила с моей дорогой.
Хинико, хинкико!

Зачем же, судьба, разорвала веселья ты нить?
Зачем, чианури, не мог своих струн сохранить?
Пора и певцу навсегда свои очи закрыть,
Хинико, хинкико!

Пускай соловей охраняет последний мой сон
В долине зеленой, в том мире, где властвует он,
И скажет прохожий: «Здесь бедный Григол
погребен!»

Хинико, хинкико!

1833. Алабарские казармы.

Не жаль мне роз, что быстро вянут
И осыпаются во прах,
Когда жемчужины проглянут
В твоих смеющихся устах!

Любовь без ваянья желанья
Дышать не может и цвести
Иль, как огонь в своем пыланьи,
Бесплодно гаснет взаперти.

Взгляни, как Нина держит розу;
Но подсказать бессилен взгляд:
Вдыхает Нина ль запах розы
Иль роза Нины аромат?

Когда поет и сладко млеет
Над розою певец ночной,
Ужель ворона сесть посмеет
Меж них разлучницею злой?

К САЛОМЭ

(От лица Бежана-портного)

Довольство, счастье, радость и веселье,
Охраной будьте новой колыбели.
Солнце, вернись домой!

Вы над ростком души новорожденным
Носитесь роем зорким и бессонным.
Солнце, вернись домой!

Своей красой Венеру мать затмила.
Я ей спою: «Вернись, мое светило,
Солнце, вернись домой!»

А кто отец? В сомненьях мало прока.
Я узнаю покрой свой издалека.
Солнце, вернись домой!

О, пусть царицу роз не огорчает —
Фиалку иногда Бежан срывает.
Солнце, вернись домой!

Что делать, сердцу отказать нет силы!
Таким я, верно, буду до могилы.
Солнце, вернись домой!

Но на сердце утюг мне раскаленный —
Толпа твоих поклонников влюбленных.
Солнце, вернись домой!

Я — мотылек, ты — пламя яркой свечки,
Моя гибель, жар терзаний вечных.
Солнце, вернись домой!

Любовь заставила писать стихами.
Я — и стихи! Что общего меж нами?!
Солнце, вернись домой!

1834. Вильно

МОЕЙ СЕСТРЕ ЕФЕМИИ

Упованием, прибежищем и опорой
Сердца, в горестях увядшего прежде срока,
Ты, сестра моя, мне осталась в глухую пору,
Ты одна лишь меня хранишь от ударов рока.
Путь земной ты мне озаряешь средь ночи темной,
О звезда моя, что в далекой горишь отчизне!
Тихой лаской твоей утешен мой дух бездомный,
И, с печальями расставаясь, он рвется к жизни.

Утро жизни моей, исполненное отрады,
Первым солнцем чуть озаренное дней начало
Мир являли мне огромным подобьем сада,
И светильник свой любовь во мне возжигала,
В чьем сиянии из шипов расцветали розы.
Покоренный ей, не знал я тоски гнетущей,
Мне, беспечному, неведомы были слезы,
И с надеждою взирал я на день грядущий.

Ныне ж нет у меня и тени былых веселий.
Где сокрылися мгновенья поры отрадной?
Бедным сердцем моим страдания овладели,
Словно жертвою, терзаемой беспощадно.
Вихрь Судьбы налетел — и черной застлал он тучей
Небо Юности, и на крыльях своих огромных

Светлой радости фиал он унес, могучий,
И низверг его в бездонность томлений темных,

Где никто не внимал стенаньям, что исторгались
Из груди моей, угасая среди ущелий,
Где никто не стер мне слез, над мукой сжалась, —
Хоть от пламени их ланиты мои горели.
Утра блеск и багрец заката мне был неведом,
День и ночь, близнецам подобные, проходили.
Смерти ждал я — покой приходит за нею следом;
Смерти жаждал, хоть был я, мнилось, уже в могиле.

В дни уныния тяжек времени шаг неспешный,
И следы его навсегда сохраняют лица.
Новым цветом не цвеств душе моей безутешной;
Меч в груди моей, — и веселью не возвратиться!
Только изредка, ненароком, одно мгновенье
Жил я радостью, как молния, мимолетной;
Сам не ведаю, от жалости иль забвенья
Счастье давнее воскресало, как дух бесплотный.

Словно в сердце мое искало оно возврата,
Утвердиться в душе хотело, изгнав страданье.
Но лишь тягостней становилась мне утрата,
Обновляемая соблазном воспоминанья.
Так манит нас могила розою одинокой,
Так улыбкой озаряется лик прекрасный,
Сердце ж втайне изнемогает в тоске глубокой;
Так увядшая блещет роза росой напрасной.

Дни и месяцы безрадостно протекали —
Дни, несчетные как муки, что я изведал.
Слезы высохли, но остались мои печали.

Слез не стало, но утешенья никто мне не дал.
Нет! В том горестном прибежище не являлся
Луч надежды мне, — беспомощный, я томился.
Горе каждому, кто с надеждой, как я, расстался.
Горе каждому, кто с печалью, как я, сроднился.

Слезы гасят испепеляющей скорби пламень.
Я ж остался без слез, как жаждущий средь пустыни.
Ум померкнул мой, и душа обратилась в камень,
И забыл я, кем был когда-то и кто я ныне...
Раз лишь, помню, внезапно ласточку я услышал.
И — признаться ли — на душе мне светлее стало.
Словно друг мой с небес сошедший, тоску утишил
И ответной песней сердце затрепетало.

Но зашел я и содрогнулся: ужасней рева
Вопль раздался — и отзвук стен пробудился, вторя.
Мой ли голос то? Я вовек не слышал такого!
Поразился я и замолк, онемев от горя.
С той минуты безмолвен был, как мертвец в могиле.
Но пришла пора, и рухнули скорби стены.
Полдня яркого лучи меня ослепили,
Взором радостным мир я обнял благословенный:

Все, как некогда, — и река, и луга, и горы;
Ветер горный, такой же свежий и полный ласки!
Неба чистого, как и прежде, светлы просторы.
Так же юношей веселы и задорны пляски!
Я на родину устремился, нетерпеливый,
Мнил — в объятьях милых горе свое забуду.
Но — да будет проклят жребий мой несчастливый! —
Лишь страдания суждено обретать мне всюду.

Те, в ком радость найти я думал, землей сокрыты!
И глазам моим не ослепнуть достало силы!
Ум померкнул, и я безмолвно стоял, убитый,
И слезы в себе не нашел у родной могилы.
Скоро людям своими стопами я наскучу.
Жалость встречу ль, чтоб освежилась душа хоть
этим?

Кто улыбкою развеет унынья тучу?
Стал я стар, но убита юность не долголетьем.

Сердце хладное недоступно любви усладам.
Тот вовек не познает радости настоящей,
Кто взирает, подобно мне, искушенным взглядом
В недоверьи на мир, изменчивый и манящий.
День грядущий — что луч неверный среди ненастья!
Кто узнает, когда веселью предел положен?
Я мудрее стал, распростясь со звездой счастья;
Вечеру я крещусь, коль день мой был бестревожен.

Но надеждою, отрадою и опорой
Сердцу, горестями надломленному до срока,
Ты, сестра моя, остаешься мне в злую пору,
Ты, что верно меня хранишь от ударов рока.
Небеса да пошлют свидание нам с тобою,
Чтоб остаток унылых дней не провести в разлуке,
Чтоб на грудь мою, как навек я глаза закрою,
Горсть земли родной насыпали твои руки.

Н(ИИ)Е

О любимая, тобою
К жизни вновь я возрожден,
И твоей улыбкой кроткой
День мой горький озарен.

Но доколь печаль разлуки,
Мучась, буду я терпеть
И, сквозь слезы, издалика
На желанный край глядеть?!

И когда придет блаженный
Час свидания с тобой,
Хмурое ужель заблещет
С лаской небо надо мной?!

Отчего не может сердце
Позабыть тебя совсем,
Чтоб не чувствовать сиротства,
Не тревожиться ничем?

Но еще сильней разлука
Разжигает страсть огнем.
Как любовь такая в сердце
Умещается одним?!

Но страданье не убило
В сердце чистую любовь,
И, как прежде, не иссякнув,
Слезы льются вновь и вновь!

Нет, страданье только множит
И любовь, и жар в крови,
Нет, страданье — долг и жертва
Беззаветнейшей любви!

МУХАМБАЗИ

Сбирайтесь, други! Радость нам пир сулит.
Ждут рог и арзепеша, фиал налит.
Украшенный цветами, наш стол накрыт.
Пусть таром знатно Алаверда звенит,
Пусть свищет соловей, темнотой одет!
Диплипито пусть бьет, рокоча, в ответ!

Сам дядя Пир, с арабским своим лицом,
Рожден любить и жизнь услаждать вином,
Как толумбаш, придет управлять столом.
Его закон любому из нас знаком!
Его потом прогоним мы, в сорок лет.
Диплипито пусть бьет, рокоча, в ответ!

О юность, май прекрасный, веселый сад!
Едва расцвел, — развеян его наряд.
Беда тому, кто нежных не знал услад,
Не знал, как юных страсти огнем палят!
Пируй, кто юн, чей волос еще не сед!
Диплипито пусть бьет, рокоча, в ответ!

Как сад без роз для взоров моих уныл, —
Без страсти, без любимой мне пир не мил.
Приди, подай мне чашу, чтоб я испил, —
Хотя б без поцелуя, утешь мой пыл!

Приют блаженства — чаша твоя, мой свет!
Диплапито пусть бьет, рокоча, в ответ!

Ах, родинка любимой — любви престол.
За родинку любимой пусть выпьет стол!
Кто не любил, тот много ль утех обрел?
Мучительные думы — все пир отвел.
Вином и страстью каждый из нас согрет!
Диплапито пусть бьет, рокоча, в ответ!

Чей до заката день проходил светло?
И солнце чье за облако не зашло?
Кому в превратной жизни всегда везло?
Не верьте в завтра: гибель таит и зло.
Но нынче — радость, нынче печалей нет!
Диплапито пусть бьет, рокоча, в ответ!

Взгляните: здесь — отрада друзей других —
Друзья сидели; нынче не видно их.
А где они? Те бродят в краях чужих,
Вдыхая горько, этих уж нет в живых...
Что слезы пали в чашу от слов моих?
В вине веселом прежней услады нет...
Диплапито пусть бьет, рокоча, в ответ!

К С(ОФИИ) О(РБЕЛИАНИ)

Ты роза? — Нет.

Лилия? — Нет.

Но на щеки свои взгляни ты,

Там и розы, и лилии слиты.

И блажен соловей тот,

Кто о них, как о лагере страсти, поет,

Кому привелось

Ладан волос

Вдыхать, на груди хрустальной покоясь,

Кто тронет, пьян,

Кипарисовый стан,

Кто распустит стянутый пояс.

Жизнь майским днем

Заблещет в нем,

И, цветущим блаженством полны,

Дни его засияют

Словно утро ранней весны.

О взоры эти!

В их звездном свете

Страсть и разум сыскали приют,

Но кого позовут

С любовью они?

Небо радости их обещают огни.

Всегда с тобой

Влюбленных рой —

Мотыльки, что слетелись разом, —

Морем отрад
Тешат твой взгляд,
Привлекают к себе твой разум.
Пусть твой данник,
Бедный изгнанник,
Я из мыслей исчезну вполне.
Не унываю,
Лишь бы живая
Память в сердце была обо мне.

МОЯ ЭПИТАФИЯ

Я был когда-то жив, как ты, читатель,
Как ты, любил, и плакал, и смеялся,
Смотрел задумчиво на холм могильный.

Мой пробил час, я пред тобой в могиле.
Подвластны все верховному закону.
Не избежит его ни царь великий,
Ни жалким рубищем покрытый нищий,
Ни красотой сияющая юность,
Ни старец, долгой жизнью утомленный.

Все тлен, все прах, все в землю обратится.
Лишь души чистых и правдивых сердцем
Навеки внидут в горнюю обитель.

1839. Горы

ВЕЧЕР РАЗЛУКИ

Закат. Уходящее солнце
Кавказ обнимает вечерний
И нежит седые вершины
Любовною лаской дочерней.

Немые громады безмолвно
Стоят, прислонясь к небосклону,
Подобно живым великанам
В сверкающих снежных коронах.

На их каменные ребра
Налипли тяжелые тучи,
И гневно грозят они миру
Пролиться потопом могучим.

Весенние яркие травы
И леса зеленые кущи
Узорят подножье Кавказа,
Ковер расстилая цветущий.

Ручьи низвергаются в пропасть,
Рассыпавшись пылью алмазной;
Там Терек несется и воет,
В горах повторяясь согласно.

Печальный гляжу на дорогу:
В несущемся вдаль экипаже
Сокровище — в целой вселенной
Его нет бесценней и краше.

Любовь, путеводной звездой
Сияя в суровой юдоли,
Казалась душе окрыленной
Небесным посланником воли.

Уходишь? — Прощай, дорогая.
До смертного вздоха отныне
Со мной твое имя пребудет,
Подобно бесценной святыне.

Увы, не обрадуют сердца
Глаза лицезреньем любимой:
Пройдет моя жизнь одиноко,
Трудом и заботой томима.

Коляска все дальше, все дальше.
Душа моя рвется за нею.
Гляжу: чуть заметна... исчезла...
О чем я, безумец, жалею?

Сокрыла коляску от взора
Завеса туманная дали,
Исторгнув из бедного сердца
Стенанье невольной печали.

Прощай, усладившая сердце
Блаженством и радостной мукой,
Прощай, истомившая душу
Мучительно-горькой разлукой.

Не буду я радостью светлой
Овеян при встрече с тобою.
Увы, не утетишь ты лаской
Того, кто истерзан тоскою.

Но кроме тебя в этом мире
Осталась ли радость другая?
И отдан я в жертву терзаньям,
Покинут тобой, дорогая.

И нет у меня утешенья.
Кто ныне откроет мне двери
С тобою ушедшего счастья,
В которое слепо я верил?

Как мог, безрассудный, я думать,
Что длится оно бесконечно?!
Остался один... Так прощай же,
Да будешь ты счастлива вечно!

Есть горести, слово которым
Не может служить врачеваньем.
Пусть лучше умолкнет язык мой —
Душе не помогут стenanья.

Стемнело. Сижу одинокий.
К кому моя грусть донесется?
Все смолкло. Лишь крик часового
В тиши иногда раздается.

Громады немые безмолвно
Стоят, прислонясь к небосклону;
Сияет звезда над Казбеком
Алмазом бесцветной короны.

Потоки, с вершин низвергаясь,
Теряются в бездне косматой,
И Терек несется и воет,
В горах порождая раскаты.

ВОСПОМИНАНИЕ

Вот и те места, и поляна та,
Где царила ты красотой своей,
Берега реки, и луга в цветах,
И веселый май средь родных полей.

Ты бродила здесь — и сильней цветы
Отдавали свой аромат живой,
Ярче солнца луч золотил листы,
Соловьиный хор вслед звучал хвалой.

Ветерок тебе восхищенья дань
На крылах своих вдохновенно нес, —
То фаты твоей колыхая тканьь,
То слегка задев прядь твоих волос.

Там, где ты цвела, там дышал и я
С сердцем, полным грез, и мечтой объят;
Лучшим даром мне, о любовь моя,
Был единый твой благосклонный взгляд.

Как на ангела, на тебя глядел
С нежностью в очах, с пламенем в крови,
Как сирена, мне милый голос пел,
И всю душу я отдавал любви.

В тех местах один я сижу сейчас,
И живет во мне сердца мир былой.
О, как я хотел в тот прекрасный час
Жить всегда с тобой, для тебя одной.

Но года прошли. Унесли они
Весь огонь души, силу чувств живых.
Только я один помню эти дни,
Времена любви, лучших грез моих.

Ты не та теперь? Где он, жар любви?
Но ничем смущать не хочу тебя.
Без напрасных дум, без тревог живи,
Я же кончу жизнь, как и встарь — любя.

ЖАЛОБЫ ДМИТРИЯ ОНИКАШВИЛИ

Когда явишься ты, госпожа моя,
Под ногами я расстелюсь ковром.

Саят-Нова.

Жжет меня как огнем, словно в пекле я!
Сердце так и горит, скоро смерть моя!
Я валяюсь, как пес, на той улице,
Где находится дом одной девушки.
Стерегу два окна и балкон ее:
А вдруг солнце мое там покажется?
Я от страсти хожу как потерянный.
Не пойму: снег идет или солнечно?
Я никак не могу успокоиться,
Даже ночью не знаю я отдыха.
Разве думать могу об обеде я?
Или в бане устраивать пиршества?
В бурке лежа в пыли под окном ее,
Я вздыхаю, но что мои жалобы?
Кто пройдет, говорит: «Что тут делаешь?» —
«А тебе-то чего, чем мешаю я?
Вот дурак, не нашел, о чем спрашивать!
Говори о любви с ишаком таким!
Здесь царица моя, свет очей моих,
Ну, скажи, где мне быть после этого?!»
Свет очей, уж пора пожалеть меня,

Прекратить мои муки напрасные.
Уж пора выйти солнцем блистающим, —
Целовать буду землю у ног твоих.
Уже в сборе мои собутыльники.
Словом ласковым сердце порадуешь.
Ну, взгляни же глазами прекрасными!
Взглянешь, — стану я сразу вельможею.
Подниму до небес свою голову,
Кто тогда меня выше окажется?
Я готов с целым светом померяться, —
Столько сил придает мне любовь твоя!
Сдвинув шапку, с расстегнутым воротом
В Ортачалы к Куре полечу стрелой.
Стол обильный накрыт там у берега,
Уже в сборе мои собутыльники.
Покажу им теперь, чего стою я!
Счастья целый рудник в сердце пламенном!
Грудь раскрыв, с азарпешкою полною
Буду пить за здоровье возлюбленной!

1860. Коджоры

МУХАМБАЗИ

Сплю — и во сне ты в сердце, любимая.
Проснусь — ты на ресницах, любимая,

Как верный раб, у ног твоих вечно я.
Убей — не молвлю слова. Твой вечно я.
Куда идешь, тотчас же в том месте я.
Хоть ты меня не видишь, в том месте я.
Могу ль мешать? С тобою лишь вместе я, —
Шепчу: как хороша ты, любовь моя!

Сплю — и во сне ты в сердце, любимая.
Проснусь — ты на ресницах, любимая.

Мне стан твой веткой тополя чудится,
На стройном стане радуга чудится,
Твой взор небесной молнией чудится,
Твой вздох дыханьем розовым чудится.
Когда же удостоюсь сказать: моя?

Сплю — и во сне ты в сердце, любимая.
Проснусь — ты на ресницах, любимая.

Кто жалобы услышит мои? Кто он?
Кому какое дело, увы, кто он?
Он жив ли, Лопиана, иль мертв, — кто он?

Что он на свете? Стоит ли знать, кто он? —
Ты так не скажешь, нежный огонь тая.

Сплю — и во сне ты в сердце, любимая.
Проснусь — ты на ресницах, любимая.

В садах ты, в Ортачалах, узнай, кто я!
Ты на пирах удалых узнай, кто я!
Как сяду толумбашем, узнай, кто я!
Или в бою кулачном узнай, кто я!
Полюбишь, скажешь: мой дорогой, твоя!

Сплю — и во сне ты в сердце, любимая.
Проснусь — ты на ресницах, любимая.

ШЕСЬ КНИТО

Что от меня тебе? Что извела меня?
Горю, желания охвачен пламенем!
Проклясть хочу ль? — язык не повинуется!
Бежать ли? Ноги мне не повинуются!
Сердиться ль? Сердце мне не повинуется!
Вай, как укрыться мне, уйти от пламени!
Как истомила ты, как извела меня!

СОСТАРИЛСЯ

Старость удел безрадостный.
Вижу отчизны гибель.
Горести полон тягостной,
Скорбный, схожу в могилу.

РАБОЧНИ БОКУЛАДЗЕ

Что с удивленьем устремляешь взор?
С рабочим не встречался до сих пор?
Вот пот и пыль. Открыта грудь. Над нею
Как бы заржавленную видишь шею.
Судьба глумилась с ранних лет над ним.
Обидами и нищетой гоним,
Всю жизнь страдает он, заботясь, где бы
Найти кусок необходимый хлеба.
Ты удивлен, что сеть морщин тесна,
Что ранняя изъела седина
Усы и бороду? То вечных бед,
Трудов и горестных раздумий след.
Я брел путем, надеждой не согретым...
Есть бедняки. Иль ты не знал об этом?
Есть нищета, есть горестные дни.
Ты не дивись, но в сердце загляни.
В нем повесть вписана. Узнай из чтенья
Измену брата, ближних притесненья,
Как поцелуй Иуды дарит друг,
Любви проклятой сумрачный недуг.
На сердце клейма от руки любимой.
Я позабыл, безжалостно гонимый,
Кем был когда-то. И не все ль равно,
Когда судьбой оставлено одно:
Трудясь, хлеб добывать, облитый потом.

И день, и ночь — все отдано заботам.
Ты видишь, сколько горечи в груди, —
То тяжесть бедности. Не осуди.
Тружусь, а песни раздаются рядом.
Счастливый пир. Веселье правит садом.
Чонгури звуки. Долетят едва
Саят-Новы горящие слова.
Хочу, чтоб голос мой ворвался в праздник,
Но я не равен тем, не соучастник
Веселья их, и в сердце вздох таю,
Слезу смахну. Нет, я не запою.
А стон рабочего? Кто стоны эти
Расслышит? Кем считаюсь я на свете,
Коль не припомню радостного дня?
Взята работой юность от меня,
А в будущем такая ж скорбь, как прежде.
Где светлый луч? Тут места нет надежде.
Будь проклят тот, чей неправдивый суд
Благословил меня на вечный труд
И отнял человеческое званье.
И вот я обескровлен от страданья,
Состарился, но что б я вспомнить мог?
Обилие безрадостных тревог?
И, умирая, что жалеть я буду?
Пришел сюда и ухожу отсюда,
Еще живым забыт. И кто посмел
Дать жизнь и предрешить такой удел?
Кому проклятья слать, благословенья?
День меркнет. Я перед вечерней тенью
Стою. За что? Я не украл осла
Ни у кого. Жизнь отчего так зла?
Ты думаешь, я не людскою плотью
Одет? И если жалкие лохмотья

На мне, то и добра я не пойму?
И все же с увлеченьем почему
Священника выслушиваю слово?
Хоть и не все душа понять готова,
Но сердце укрепляет эта речь.
Надеждой сердце можно мне увлечь.
И, осененный благостью небесной,
Я расстаюсь с тревогой бесполезной,
Шепчу молитвы, чувствую покой,
И молодость яснее предо мной,
И голос матери ловлю вдали я.
Он полон ласки. Вижу дни былые,
Тогда свое рожденье не кляну.
Тружусь легко. И, отходя ко сну,
Спокойный дух мой горестей не ищет.
И будто ангелы парят в жилище.
Ты в неге вырос. Этот мир вокруг
Лишь для тебя из божьих вышел рук,
Луч солнца, травы, выросшие щедро,
Лазурь весны, благоуханье ветра —
Все ластится к тебе, всему ты рад.
Прекрасных глаз тебе сияет взгляд.
И нежный стан к тебе склонен. Морями
Там корабли к тебе идут с дарами
Искусств и драгоценностей. И вот
Мой труд, мои усилия, мой пот —
Я сам служу тебе. Смотри, с утра я
Метлою мусор с улиц убираю,
Чтоб запах грязи не задел твой нос.
Подачки жду. Тебе ценнее пес.
Ты царь? Но я за что покрыт позором?
Я не украл осла. Я не был вором.
Что ж дальше? Видишь, как мой труд жесток.

Как тяжело хлеба добывать кусок,
Как бедность губит сердце, светлый разум
Темнит. Чего добился я рассказом?
Иди и пой. У нас различен путь.
Я тоже сброшу ношу как-нибудь
В том месте, где сравниемся мы оба,
Куда мы входим через двери гроба.

ВЕСНА

Для жизни и для пения,
Для грез и вдохновения,
Сердца у всех живут весной,
Порхает ветер веющий,
Луг дышит зеленеющий,
И ярче блещет день живой.
Весна! Вот соловей поет
Над розой ночи напролет,
Что радостней весенних дней!
И думы рвутся на простор,
И радостный любви костер
У всех в груди горит сильнее!
Весеннею живой порой
Так радуется род людской.
Один лишь мрачен я душой,
Не плачет соловей со мной,
И роза мне порой ночной
Не шлет благоухания.
Не мне заря блаженство льет,
Не радует меня она.
Не веселит и дня приход,
Не блещут мне в лучах цветы.
И грустно мне твоей, весна,
Сиянье нежной красоты.
Я сумрачной душой люблю

Лишь небо в гневных облаках,
Когда гремящая гроза
Всем на земле внушает страх.
И жду я смерти всей душой,
Ей радостно дарю свой пыл,
Чья только с ней жила душа!
Жизнь дружбе посвети свою,
Любви же сердце все отдай.
Ведь этим только жизнь краена
И расцветает, словно май.
Есть горе у тебя? Она
Приносит утешение,
Надежду, радость, легкий смех
И горести забвение.
Ах, сам я счастлив прежде был.
Любил и наслаждался сам;
О день прекрасной радости,
Зачем ты изменяешь нам?
Ты помнишь ли, о милая,
Как ты предстала мне луной,
Когда мы расставались, я
С потерянною жил душой.

Лишь улыбка навстречу мне,
Словно солнце, блеснет твоя,
Забываю печали все,
Что послала судьба моя.
Утихают волненья вмиг,
И, желаньями вновь кипя,
Сердце бьется, и жалко мне,
Жизнь, что я проклинал тебя!

Кто увидел, не может свой взор оторвать.
Ненасытный, посмотрит опять и опять.
Разлучившись с тобой, будет слезной мольбой
Звать тебя и, найдя, обожать.
Его помыслы — только тобою полны.
Все слова его — только тебе отданы.
Ярким солнцем, с тобой, озарен его день.
Без тебя — покрывает вселенную тень.

О РАЗУМ!

Разум, позабудься, дай успокоение!
Не вернет ушедших дней воспоминание.
Памятью терзаешь сердце в исступлении,
Учишь клясть пустых годов чередование.

НАДПИСЬ НА АЗАРЧЕНЕ

Зачем клянешь судьбу? Что плачешься на беды,
Сомненьем мучишься пустым?
Вина, глупец, отведай,
И станет мир твоим.

ЗАДРАВНЫЙ ТОСТ, ИЛИ ПИР ПОСЛЕ ЭРИВАНСКОЙ БИТВЫ

Тост

Тихо ночью над полями,
В темноте умолкнул бой.
Озаренное огнями,
Войско пир справляет свой.
Вот и месяц показался,
Весь в лучах вверху горит.
Выпьем все, кто жив остался.
Небо храбрых сохранит.
Братья, чаша круговая
Пусть бежит вокруг огня.
Слава тем, кто, умирая,
Встретил смерть на склоне дня.
О вино, вино хмельное,
Ты рождаешь в сердце пыл.
Подружился кто с тобою —
Тот все горе позабыл.

Воины

О вино, вино хмельное,
Ты рождаешь в сердце пыл.
Подружился кто с тобою —
Тот все горе позабыл.

Т о с т

Братья, чаши поднимая,
Славных предков мы помянем,
Кровь свою они, сражаясь,
В дар отчизне принесли.
Их величие и слава
Озаряют нас сияньем,
Наши помыслы возносятся
Над заботами земли.

Как огонь, забытый в поле,
Одинокий, сиротливый,
Что колышется и гаснет,
Исчезая навсегда, —
Предан вечному забвенью
Будет каждый нерадивый,
Кто прошел свой путь и стинул,
Не оставив здесь следа.

Кто нам скажет, кто покажет,
Где герои подвизались?
Время сгладило, сравняло
Их надгробия с землей.
Но поныне имена их
В нашей памяти остались,
Свято чтим мы их деянья,
Славим меч их боевой!

Братья, взор благоговейно
Обратим к былым векам,
Лики светлые героев
В глубине теснятся там.
Это кто с глубокой думой

Над Иверией встает?
Неужели край любимый,
Увидав, не узнает?

Это ты, самодержавный,
Мудрый духом Фарнаоз,
Это ты отчизне славной
Книгу первую принес.
Вся Иверия с тобою,
Став единой, процвела
И своих царей-героев
Вечной славой облекла.

Вот, исполнен чудной силы,
Светом бога осиян,
Древних идолов в могилы
Царь свергает Мириан.
Мрак язычества старинный
Новый вытеснил Завет.
В небо глянули грузины
И познали вечный свет.

Львом и волком шлем украшен,
Меч сверкает, гром гремит...
Это кто, могуч и страшен,
Словно бог войны летит?
Это славный Горгаслани.
Перс дрожал, его узнав.
Где его подъяты длани,
Там враги разбиты в прах.

Неба милостью святою
Над растерзанной страной

Был поставлен юный витязь,
Вдохновенный царь Давид.
В битве — грозный полководец.
Был в судах ты миротворец,
Речь твоя шумела в мире,
Как поток в лесу шумит.

Ты сказал: «Восстаньте, грады!» —
И они из праха встали.
Ты прошел через пустыни, —
И пустыни расцвели.
Где киркою ты ударил, —
Всюду храмы засияли.
И прославили в них бога
Дети верные твои.

Ты воззвал, и, словно феникс,
Край вспрянул иверийцев,
Прочь бежит султан разбитый,
Жизнь повсюду бьет ключом.
До Ширвана и Дербента
Простирается граница, —
Так Давид страну родную
Очертил своим мечом.

Вот сияет лик прекрасный,
Взор очей струится вдаль.
Вся стройна, как тополь ясный,
Пальцы тонки, как хрусталь.
Обладательница дара
Голубиной доброты, —
Это шествует Тамара,
Как богиня красоты.

Сила, Слава, Добродетель
Держат пламенный венец,
Царства мудрого свидетель —
Славит дни ее певец.
Под знаменами — Орбели,
Шота мудрый, Чкондидели,
Полководец Мхаргрдзели,
Гамрекели — вождь-храбрец.

Развернули стяг Тамары.
В Дидубэ собралось войско, —
Кахетинец в крепком шлеме,
Храбрый горец и тушин,
На Хевсуре и на Пшаве
Появляются кольчуги,
Вот — могучий карталинец.
Вежливый имеретин.
Месх, прославленный ученый,
Осетин, проворный в беге,
Меткий стрелами абхазец,
И гуриец и мегрел...
Всех Тамара провожает,
Всех крестом благословляет.
Сердце царское как море,
Где в нем милостей предел?

Ополчились, полетели,
Пал Харну перед бойцами,
Словно львы в Синоп ворвались,
В море сбросили его.
Миновав Арез с Тавризом,
Каплан-Ку прошли рядами

И на Казвин обратили
Прах разгрома своего.

Но проходит время славы,
Вот погибшая за веру
Кетеван, дитя отчизны,
Возлюбившая свой край.
Рвут клещами ее тело,
На груди огонь разводят,
И душа ее со славой
Улетает в светлый рай.

Вот в венцах своих проходят
Три Кахетии героя —
Элизбар, Шалва, Бадзина,
Пораженные мечом.
Жертвы гнусного тирана,
На краю могилы стоя,
Молят бога за отчизну
В слове горестном своем.

Вот среди иных убитых
Девять братьев знаменитых —
Все в одной погибли битве, —
Жертва небу в день молитвы.
Вот герой Амилахвари,
Что погиб за государя,
Вот Заалы, их четыре, —
Нет иных подобных в мире.
Вот несет закона книгу
Царь Вахтанг, судьбой гонимый,
Покровитель просвещения,
Муж, чей разум так велик.

Далеко под чуждым небом
Он почил в сырой могиле,
Не оплаканный друзьями,
Но погибший ради них.

Вот отчизны украшенье,
Вождь, прославленный в веках.
Чудо храбрости в сраженьи,
Царь Ираклий, юный Ках.
Он идет врагам на горе,
Меч сверкает обнажен,
Взор горит, и в этом взоре
Жребий битвы предрешен.
Дни Ираклия подобны
Солнцу в пламени заката:
Лик его уже сокрылся,
Лишь играют пламена.
Не увидят больше люди
Меч Ираклия крылатый.
Слава родины любимой
Вместе с ним погребена.

Знамя царское сжимая,
Ты куда, Леван, стремишься?
Ты, отцовская надежда,
Воин с светлою душой.
Жертва лютого раздора —
Рано ты сошел в могилу,
И престол царя великий
Пошатнулся под тобой.

Но взгляни, какое пламя
Поднялося над Кварели.

Дагестан идет с войною,
Бойтесь лютого врага!
Двадцать восемь дней над нами
Боевые пули пели.
Трудно было. Ослабели.
Где ж спасителя рука?

Вдруг две сотни Соломона,
Ратишвили и Отара,
Боста и сыны Нодара,
Давид и Мебуришвили, —
Появились, завопили,
Всех лезгин перерубили
И спасли красу ущелий —
Глаз Кахетии — Кварели!

Кто — бесстрашный, величавый —
Войску верному оплот?
Стяг его, покрытый славой,
Над победами встает.
То Давид, в его деснице
Смерти страшная коса.
Крикнет он, — и враг смутится,
Проклиная небеса.
Это волк земли Захарий,
Тот, который средь врагов
Появляется в разгаре
Их набегов и пиров.
Покрывает войско славой
Грозной битвы каждый шаг.
Где блистает меч кровавый —
Исчезает всюду враг.

Так проходят сонм за сонмом
Победители-герои.
Кто Азата сокрушитель?
Кто с Тимуром был боец?
Кто воители Аспиндзи,
Что сражались над Курою
И окрасили теченье
Кровью вражеских сердец.

Дале — триста беззаветных,
Храбрых воинов Душета,
Что в Тбилиси появились
И поклялись головой:
«Если нам по божьей воле
Не достанется победа, —
Да покроется позором
Кто живым придет домой».

И мечи, перекрестившись,
Перед битвой обнажили,
И, как соколы, на персов
Понеслись со всех сторон.
Вражьи полчища рассеяв,
Сами головы сложили.
Не ушел никто из битвы:
Слово храброго — закон.

Но враги идут лавиной.
Пал Тбилиси, и с тех пор
Жизнь Иверии старинной
Замерла у края гор.

Где воители-герои
Истекали жаркой кровью, —

Там теперь в садах зеленых
Шум пиров, вино, огни...
Незабвенные святыни,
Освященные любовью,
Лишь невежество ногами
Попирает в наши дни.

О бесстрашные герои,
Наша гордость вы и слава,
Поколенья не забудут
Ваших подвигов и сеч.
Услыхав о ваших битвах,
Прослезится старец слабый,
Пылкий юноша в восторге
Грозно схватится за меч.

В о и н ы

О бесстрашные герои,
Наша гордость вы и слава,
Поколенья не забудут
Ваших подвигов и сеч.
Услыхав о ваших битвах,
Прослезится старец слабый,
Пылкий юноша в восторге
Грозно схватится за меч.

Т о с т

О желанная отчизна,
Преисполнено любви,
Чье восторженное сердце
Не трепещет пред тобой?
Кто, тебя в беде увидев,
Не прольет горячей крови,

Не пожертвует в сраженьи
Непокорной головой?

Кто не любит тех селений,
Где, увидев божий свет,
Протекала наша юность
Вдалеке от всяких бед;
Где ласкали нас родные,
Охраняя наш покой,
Где познали мы впервые
Пламень сердца роковой;
Где красавицы, похитив
Наше сердце в первый раз.
Со слезами в божьем храме
Молят господу за нас.

В том краю горит над нами
Весь лазурный небосвод,
В вышине, блестя лучами,
Солнце царственно плывет.
Ночи звездной бирюзой
Там сияют под луною,
И прохладой ночною
Дышит воздух надо мною.

Там ледяными венцами
Горы до неба стоят,
Реки, стиснуты горами,
Вал над валом громоздят.
Бездны там зияют хмуро,
Скал вздымаются бока,
Там охотник гонит тура,
А под ними — облака.

Там зеленые долины
Изумрудом отливают,
Там ключи с журчаньем тихим
Нас встречают на пути.
У ручьев цветы толпятся
И головки наклоняют.
Мы глядим — и сердце бьется,
И глаза не отвести. . .

Где, в каком углу вселенной
Встретишь Грузию другую?
Этот храбрый и радушный,
И воинственный народ?
Времена не изменили
Его душу молодую:
Любит он родную землю
И в обиду не дает.

За отчизну выпьем, братья,
Эту радостную чашу!
В благоденствии и славе
Пусть цветет она вовек.
Пусть главу ее до неба
Воздымает храбрость наша
И великою любовью
К ней пылает человек.

Мы возлюбим больше жизни
Счастье родины своей,
Встанем грудью за отчизну
Перед сотнями мечей.

Пусть над нашей могилой
Скажет путник сквозь рыданья:

«Нет, не даром их растила
Наша славная страна!»
Мир, увы, того не стоит,
Чтоб ценить существованье,
Если жизнь твоя бесплодна
И отчизне не нужна.

За отчизну, братья, встанем
Перед сотнями мечей.
Умирая, мы прославим
Имя родины своей!

В о и н ы

О желанная отчизна,
Преисполнено любви,
Чье восторженное сердце
Не трепещет пред тобой?
Кто, тебя в беде увидев,
Не прольет горячей крови,
Не пожертвует в сраженьи
Непокорной головой?

Т о с т

Горе мне: разбито сердце.
Жжет его любви пламя.
О, зажгись, святая Дружба,
Как счастливая звезда!
Освети дорогу жизни
И усей ее цветами,
И настойчивому сердцу
Будь спутником всегда.
Мы тебе, святая Дружба,
Посвящаем эту чашу.

Жертва слуг твоих усердных —
Пусть она сверкает вновь.
Рука в руку, лобызаньем
Воскресим мы радость нашу.
Выпьем, братья, и прославим
Нашу братскую любовь.

Что есть жизнь, когда сердцами
Не владеет добродетель,
Если мы не облегчаем
Павших скорбную юдоль,
Если зло не изгоняем
И добро не охраняем,
Равнодушные к страданьям,
Не целим чужую боль?

Эту мысль в душе лелея,
Малодумье превозможем,
Угнетателей изгоним,
Беззаконье укротим,
Изживем корысть людскую
И навеки уничтожим
Все, что давит человека
И мешает быть благим.

Дайте каждому таланту
Путь широкий и прямой.
Дар ниспослан человеку,
А не знати родовой.
Человек есть тот, кто свыше
Силой неба одержим.
Его подвиги безмерны,
Вся страна гордится им.

Но довольно... Выпьем, братья!
Как нам знать — когда разлука?
Не готовит ли погибель
Нам сегодняшняя ночь?
О, как тяжело после битвы
Опускать в могилу друга
Иль в опасности великой
Не уметь ему помочь?

День сегодняшний, пируя,
Как цветок сорвем красивый.
Он один благоухает,
Поднимаясь из травы.
Кто надеется на завтра,
Тот упустит миг счастливый.
Новый день взойдет над нами,
Но обманчив он, увы!

Чистой дружбе посвятим мы,
Братья, наше достоянье,
Подымая к небу чаши,
Возгласим обет святой:
Нашей дружбе не изменим
До последнего дыханья,
Друг погибший наши слезы
Унесет во гроб с собой.

В о и н ы

Пейте, братья, и пируйте!
Как нам знать — когда разлука?
Не готовит ли погибель
Нам сегодняшняя ночь?
О, как тяжело после битвы

Опускать в могилу друга
Иль в опасности великой
Не уметь ему помочь!

Г о с т

Братя, славу и сраженья
Позабудем на мгновенье.
Мы любовь прославим ныне,
Нашей жизни торжество.
Не она ль нас возвышает,
Нашу душу освещает?
Человек в любви прекрасен
И похож на божество.

День любви, куда ты скрылся?
Неужели не вернешься?
Неужели я напрасно
Жду тебя с улыбкой ясной?
О светильник чистый сердца,
Неужели ты погас?
Неужели это счастье
Было мне в последний раз?

В час, когда полюбит сердце, —
Вся душа у нас в расцвете.
О, как радостно для милой
Позабыть про все на свете.
Чтобы ею любоваться
И пред нею увиваться,
И страдать с разбитым сердцем,
И надеждой утешаться.

О цветок любви волшебной,
Счастье молодости нашей!

Ты увянешь — и от счастья
Не останется следов.
Как сорвать цветок волшебный?
Он шипами изукрашен.
Но шипы, пронзая слабых.
Закаляют храбрых.

Разве ценит равнодушный
Наши тяжкие страданья?
Его сердца не касалось
Никогда очарованье.
Но взгляните — если розу
Ветер утренний качает, —
Как она шумит листьями,
Как она благоухает!

У кого любовный пламень
Дни и ночи сердце гложет,
У кого в душе навеки
Милый лик запечатлен, —
Перед тем на белом свете
Устоять ничто не может,
И чего с мечом в деснице
Не достигнет только он!

Кто из нас для счастья милой
Не захочет жизнь отдать, —
Ради той, кто наше сердце
Заставляет трепетать?
Каждый вздох о ней и каждый
Сердца пламенный удар,
Каждый помысел о милой —
Все любви нежный дар.

Гонит нас судьба далече,
Но любовь повсюду с нами.
Мы в цветов благоуханьи
Милой чувствуем дыханье.
Если ж утром засияет
В небесах звезда золотая,
Кто в ней милой не узнает,
Улыбнувшейся из рая?

Стоит ночью позабыться, —
Милый образ нам приснится.
О, как сладко то виденье!
Как печально пробужденье!

Мы за милую подыдем
Чаши, полные давно!
Пусть слеза ее просохнет,
Как просохло в чаше дно!
Пусть она живет в весельи,
Пусть тоска ее бежит.
О, как сладко в час свиданья
Наше сердце задрожит!

Я к тебе, моя богиня,
Обоащаю речь мою.
О тебе одной вздыхаю,
О тебе одной пою.
Мне о ком еще томиться?
Жалко молодость свою.

Мне, быть может, уж могила
Уготована судьбой.
Смолкну я, и слезы милой

Не прольются надо мной,
Не услышу в час унылый
Незабвенный голос твой.
Полумертвыми устами
Не прильну к твоим рукам,
Чтобы образ твой любимый
Взять к нездешним берегам, —
Радость в нем и искупленье
И бессмертное горенье...
Пусть умру! Избегнув тленья,
Буду я любить и там.

О души моей бессмертье,
Радость жизни неземной!
Никогда любимый образ
Не расстанется со мной,
Не угаснет в час кончины
Жар любви пережитой.

Если ж мы любовь теряем,
Что взамен мы получаем?
Без любви и рай господень
Нам покажется тюрьмой.

В о и н ы

Мы за милую подыдем
Чаши, полные давно!
Пусть слеза ее просохнет,
Как просохло в чаше дно.

Р а с с в е т

Уж пурпурная с востока
Поднимается денница,

Небо радостью объято,
Все готово пробудиться.
Зажигаются, как пламя,
Облака над головою.
Небо рдеет, и блаженство
Охватило всех с зарею.
Тают сонные туманы,
В небе звезды угасают,
Стоголосым пеньем птицы
Солнце радостно встречают.
Ветерок тихонько веет,
Освежающий дыханье,
Слышен листьев тихий шелест
И цветов благоуханье.
И смотрите, как красиво
Просыпается природа.
Чу! Запел среди деревьев
Соловей, певец восхода.
Вот Ираклия долина,
Арарат в седом тумане,
Вот бушующая Занга
И твердыни Эривани.

У т р о

О, как чист прозрачный воздух
В это утро золотое!
С сердца он печаль снимает,
Радость льет на все живое.
Боже, кто постигнуть может
Красоту твоих творений!
Мрак ты светом разгоняешь,
Самой смертью жизнь рождаешь!
Бивуак зашевелился...

Трубят утреннюю зорю...
Поднимаются отряды,
Приготовленные к бою.
Выстрел... Всадника теряя,
Мчится конь... Пошла потеха!
О, зачем мы в это утро
Жаждем крови человека?
Встанем, братья, выпьем чашу
За победу над врагами.
Тех, кто с поля не вернется,
Вспомним с горькими слезами.
Словно сон недолговечный,
Кончен, кончен пир ночной.
Мы идем, куда зовет нас
Зов судьбины роковой.

Э П И Л О Г

*(Посвящается Александру
Джамбакур-Орбелиани)*

Где теперь друзья бывшие,
Что во мраке этой ночи
Вместе с нами пировали,
Наши радовали очи?
Нету их... Ушли навеки...
Дни бывшие миновались.
Никого вокруг не вижу,
Только мы с тобой остались.
И зачем, зачем сказал я
То, что должен был сказать я!
То, что должен был сказать я —

В сердце раненом скрываю,
Потому я и тоскую,
И печалюсь, и страдаю.
Если ж ты понять сумеешь
Сердцу родственные звуки, —
Забываю яд, что выпил
В этой жизни, полной муки.
Что мне ждать на этом свете?
Что желать? К чему усилья!
Я не тот, что был когда-то.
Уж не помню, как любил я.
С каждым днем уходит счастье.
Скорбно будущее, знаю,
И бесплодное бывшее,
Одинокий, проклиная.

Н. БАРАТАШВИЛИ

СОЛОВЕЙ НАД РОЗОЙ

Среди нераскрывшихся роз сидел соловей и пел:
«О роза-мучительница! О горестный мой удел!
Спеши расцвести скорей. Я столько ночей скорбел,
Я грудью к тебе приник! Увижу ль тоски предел?»
Так пел он над розою. На долы сходил покой.
И близились сумерки, и ветер вздыхал ночной,
Но только замолк певец — на небо луна взошла,
И розы дыханием наполнилась ночи мгла.

Дремотою тягостной он был в этот миг сражен,
Заря заливала мир, и птичий был слышен звон,
С тем радостным щебетом ушел соловьиный сон,
И розу расцветшую смущенный увидел он.

Стеснилась душа тоской, оделся слезою взгляд,
Тряхнув о крыло крылом, мольбой огласил он сад:
«Слетайтесь, птички, ко мне, зову вас к себе, как
брат,
Кому мне поведать боль, сказать, чем мечты горят.

С рассвета до тьмы ночной я пел лишь о ней, о ней,
Ни песен я не жалел, ни сна, ни весенних дней,
Я ждал, что настанет час, чтоб ей расцвести
пышней
Она расцвела теперь — и жить уж недолго ей».

18 июня 1833

КЕТЕВАНА

Катится и журчит волна,
Возле гор расцвела весна;
В зарослях берегов крутых
Ксани шлет пену воли своих.

Лунный серп озарил с небес девушку, что сидит
бледна,
С берега на разбег волны горестно устремляя взор.
Ткань одежд ее так бела, и черна длинных кос
волна.
Жалобно льется песенка слезная на речной простор.

«Когда же вы оставите
Свой наговор, обидчики?
В вас слишком много зависти
К любви моей девической.

Как мог ты клевете пустой
Поверить, друг, и стать чужим?
Куда ушла, любимый мой,
Любовь твоя, как легкий дым?

Зачем твердил ты мне в огне
«Навек я твой, о милая!»
Зачем дарил ты радость мне,
Чтоб вдруг тебе постыла я?

Зачем ты сердце мне пленил,
Беспечное и чистое?
Зачем цвeток души сломил
Ты в утро, все росистое?

Ах, верю я, что где-то там
Есть мир иной — к нему иду.
Невинна я, поверь слезам,
Тебя я там, любимый, жду».

Тихо все. Молча я стою.
Кетевана пела песнь свою,
Нежности и любви полна,
Светлая, как сама весна.

Злою бурей сломлена эта роза прекрасная.
Я заплакал от жалости — тщетны все утешения.
В глубину реки бросилась Кетевана несчастная.
«Амилбар!» — донеслось ко мне из речного
кипения.

1835

СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

Моя Мтацминда, гора святая! О, как прекрасны,
Как нелюдимы и полны думы твои откосы,
Когда их тихо оденет небо в живые росы
И дышат негой летучий ветер и вечер ясный!

Какая тайна тогда объемлет и дол окрестный, и
небосвод!
Какие дали тогда чаруют того, кто смотрит
с твоих высот!
Ковер долины повит цветами, как драгоценный
престольный плат,
И фимиамом благодаренья к тебе клубится их
аромат.

Я помню время, бывшее время, когда, унылый,
Я пробирался среди утесов, над сонным лугом,
И тихий вечер со мной был ласков и был мне
другом,
Как я, печальный, как я, безмолвный и сердцу
милый.

Как вся природа в минуты эти была устала
и хороша!
О небо, небо, твой образ вечный запечатленным
хранит душа;

Чуть я увижу кусок лазури, к тебе мгновенно
летят мечты,
Но погибают в пути воздушном, не достигая
до высоты.

Я забываю темницу мира, к тебе взирая.
К тебе стремлюсь я из этой жизни, для сердца
тесной...
Расстаться с прахом, взнестись высоко, в обитель
рая...
Но непостижен тому, кто смертен, закон небесный.

Я над стремниной стоял, задумчив, любуясь
небом, там, надо мной.
Был вечер мая, кругом — ущелья дышали тенью
и тишиной.
И лишь порою чуть слышный ветер отрадно веял
в лесной тиши.
Вечерний воздух свое безмолвье сливал с
печалью моей души.

Гора живая, то в блеске смеха, то в ризе слезной,
Какую радость и утешенье ты даришь взгляду!
Усталым душам, в часы печали, ты шлешь отраду,
Друг вековечный сердец замкнутых, немой
и грозный!

Все было тихо. Сгущался сумрак. Лучи померкли
и синева.
Вслед за луною, томясь влюбленно, звезда
спешила, лишь ей жива.

ТАЙНЫЙ ГОЛОС

Что за голос? Чей? Душу темную
Он тревожит мне грустью томною.

В день, когда ступил я на путь земной,
В час, когда бежал из страны родной,
Где в кругу друзей, на груди земли,
В детских играх дни как река текли,
Он слетел ко мне, дух таинственный,
Тайных помыслов страж единственный.
И всегда, везде, наяву, во сне
Вечным бредом тревожит он сердце мне.
«Отрок, встань, не покорствуй, не верь
судьбе,

Лучший жребий сам избери себе».
Но напрасно ищу я утерянный след,
В этой жизни достойного жребия нет.
Чей ты голос, голос тоскующий,
Уж не совести ли взыскующей?
Нет, не грешен я и не должен ей,
Не таю я злобы в душе моей.
Кто ты? Голос ли духа-хранителя
Или демона-искусителя?
Что вещаешь, спутник единственный,
Что сулишь мне в жизни таинственной?
Как постичь мне твои пророчества,
Как избыть мое одиночество?

ДЯДЕ ГРИГОЛУ ОРБЕЛИАНИ

Яд злоречия! С ним не справиться!
Отнял родину твою он.
Где же Кабахи? Где красавицы?
На изгнание ты обречен.

Только в сердце хранишь, как ранее,
В горе, Кабахи, и в чести,
Хоть чужбиной ведет скитание,
Много пробовано в пути.

Пленник Севера, пусть представится
Сердцу Кабахи в час ночной,
Юность радостная, красавицы,
Что ровесничали с тобой.

НОЧЬ НА КАБАХИ

Кабахи люблю окрестность. Моему любезны
взгляду
Тени легкой майской ночи, берегущие прохладу.
Но еще мне драгоценней, если все осветит щедро
Лик луны. С Коджор слетает свежее дыханье
ветра,
И Кура то волны взбросит, то притихнет. И тогда,
Как влюбленный, в отдаленьи робко сетует вода.

И когда пришел туда я, эта ночь была такою.
Я бродил путем привычным, душу думой беспокоя.
И вокруг меня сновали девушек веселых стай,
Пышно платья шелестели, в темном сумраке блистая.
Молодежь перебегала, возле девушек шумела,
Кто влюблен, кто просто робок, а иные смотрят
смело.
И луны стыдливый облик в облаках едва найдешь,
Ведь не ей, — земным светилам поклонялась
молодежь.

«Ты бы спел нам! — так сказали дружно девушки
Кафлану. —
Не ломайся, будь послушен». — «Я жеманничать
не стану». —

И Кафлан, пронизан страстью, стал и гордо
выгнул шею!
Песня... чье не потрясется сердце, тронутое ею?
И какая из красавиц не замолкнет, присмирив?
И тоска от песни входит в души загрузивших дев.

И, внезапно оглянувшись, я одну из них заметил.
Все забылось в то мгновенье. Как наряд ее был
светел!
Я сильней огня плаю. Сердце, что тебя сразило?
Резвость где твоя? Твой холод? Где твоя бывшая
сила?
Эту девушку встречал я. Также были с ней
подруги.
А потом она исчезла. И теперь после разлуки
Ланью трепетной меж тигров вот стоит вблизи
меня,
Красотою несказанной сердце мне воспламеняя.

Вдруг она меня узнала. Я поймал ее улыбку.
К ней ободренный пошел я. Сердце вздрагивало
зыбко.
«Счастливы вы, что удостоены снова радости и чести
видеть вас такой веселой, быть с моей желанной
вместе». —
«Благодарна вам за память. Ведь вошло
в обыкновенье
ныне забывать друг друга. Людям свойственно
забвенья». —
«Нет, обычая такого не признать мне никогда.
Позабыть вас не заставят даже многие года».

Словно роза распустилась на щеке ее, когда я
Так сказал. А ветер платье колыхнул ей, пролетая.
Чуть открылись ноги милой, словно пара
виноградин.
Нежность мысли помутила. Вид любимой так
отраден.
Луч луны хрустальный образ девы тронул. Под
луною
Радовался красоте я, что светилась предо мною,
Но другой ее окликнул. И она ушла к нему.
Словно свет от взоров скрылся. Погрузился мир
во тьму.

Лето 1836

РАЗДУМЬЕ НА БЕРЕГУ КУРЫ

Уныло к берегу иду — развеять грусть:
Здесь каждый уголок я знаю наизусть,
Здесь слезы скорбь мою порою облегчали,
Меж тем как было все кругом полно печали...
Прозрачная Кура медлительно течет,
В ней блещет, отражен, лазурный небосвод.

Облокотясь, реки я внемлю лепет сонный,
И взор стремится вдаль, за овидь небосклона.
Свидетель наш немой в течение стольких лет,
О чем ты нам журчишь, Кура? Кто даст ответ?
Не знаю, почему в тот миг передо мною
Вся жизнь означилась пустою суетою.
Что наше бытие и что наш мир земной?
Сосуд, который нам наполнить не дано.
И где тот человек, который бы предела
Своей мечты достиг и счастлив был всецело?

Непобедимые, славнейшие цари,
И те ведь, говорят, в тревоге и волнении:
«Когда ж мы покорим соседние владенья?»
И жаждут поскорей своей пятой попрасть
Тот прах, которым им придется завтра стать.

Хороший царь и дня не проживет спокойно:
Он должен суд творить, вести с врагами войны,

Страной обязан он разумно управлять,
Чтоб не могли его проклятию предать
Идущие ему на смену поколенья.
Однако если весь наш мир — лишь тлен и прах,
Кто ж повесть в будущем создаст об их делах?

.
Но если мы — сыны земли и вправду люди,
Мы матери родной во всем послушны будем,
И тот не человек, и сердце в том мертво,
Кто жил и для людей не сделал ничего.

21 мая 1831

К ЧОНГУРИ

Твои жалобы безутешные,
Причитания, стоны нежные
Душу ранят мне, воскрешая в ней память прошлого.
О мой чонгури! Пусть хоть раз один
Станет голос твой песней радости,
Пусть хоть раз один унесет тоску сердца бедного.
Я молю тебя об улыбке той,
Что врачует скорбь и дает покой,
Но в ответ звучат лишь убитого сердца жалобы.

1837

НАПОЛЕОН

Наполеон окинул взором Францию.
И говорит: «Чем я обязан власти?
Мое величье — цель несчастий»,
И мрачное чело сияло страстью.

«Достаточно! Желанья все исполнились.
Весть обо мне гуляет по вселенной.
Любимая одета в блеск нетленный.
Чужая мощь главой поникла пленной.

Но в теле дух мятежный не вмещается.
Но мой венок сплетен не для того ли,
Чтобы сиять навеки в ореоле.
Склонись же, век, пред исполинской волей!

Но как узнать? Судьба разлюбит завтра же,
Судьба другому лучший жребий вынет.
Нет, я не верю. Счастье не сгинет.
Судьба меня вскормила — не покинет!

Я никогда не потерплю соперника,
Хотя бы он достиг звезды небесной,
Но если мне про эту мощь известно, —
Что смерть тогда, — в самой могиле тесно!»

Пройдут года, — останется загадочным
Наполеон и дел его причина.
Он был как океанская пучина,
Его огня не гасит и кончина.

1838

КНЯЖНЕ ЕКАТЕРИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ

Радуешь песней,
Грезы чудесней,
Пляской воздушной и зыбкой.
Взоры чаруешь,
Сердце волкуешь,
Душу ласкаешь улыбкой.

Где б ни была ты —
Души объяты
Негой и чувством отрады,
И с добротой
Чувство святое
Людам дарят эти взгляды.

«Розу»¹ умело
Нам ты пропела,
Чистым восторгом согрета,
И воскресила
Чудная сила
Бедное сердце поэта.

1839

¹ «Роза и соловей», — стихотворение для пения, перевод с русского Александра Чавчавадзе.
(Примечание автора.)

СЕРЬГА

Как на глади вод
Стрекозы полет
В тишине цветы заколышет вдруг,
Так и ты, серьга,
Прозвенев слегка,
Колыхнешь, блеснув, своей тени круг.

Счастлив тот, чей стон
Негой напоен,
Под твоей дугой пролетит дрожа,
Чей безумный пыл,
Как движеньем крыл,
Охладит твой взмах, ветерком дыша.

О серьга — гранат,
Госпожа услад,
Чьим устам в тени твоей рай сойдет,
И любви шербет
Выпьет тот иль нет
Кто душой к тебе, о серьга, прильнет?
1839

МЛАДЕНЕЦ

Люблю младенца лепет радостный,
Когда он речью небожителей
И голосом небесно-сладостным
Щебечет на руках родителей.

Ему, — весь мир пред ним склоняется, —
Лишь ласка матери приятна;
Он баловень, он улыбается
И все встречает безбоязненно.

Он чужд еще мирским страданиям.
Не знает он страстей-мучителей,
И лишь своим существованием
Он радуется своих родителей.

Что ж, щебечи, покуда благостен
Знак времени быстротекущего,
Пока свободен ты и радостен
И мира не познал поющего.

1839

СИРАЯ ДУША

Не говорите мне о бремени безродства,
Не сетуйте никто на горькое сиротство, —
Мне жалок только тот, кто одинок душой, —
Себе он не найдет подобного судьбой;
Утраченных родных иль друга дорогого
Другими заменит поспешно сердце снова,
Но раз осиротев, — душа обречена,
Страданью навсегда она осуждена,
Уж никому она не верит в мире этом,
И в робости, дрожа, таится перед светом,
Не зная, как и где о горе рассказать,
Боясь довериться кому-нибудь опять.
Так в одиночестве влачатся годы злые.
Прочь от нее бегут все радости земные,
Все помнится ей друг утраченный ее,
И только стон глухой отрада для нее.

1839

ПРЕДВЕСТИЕ

Глаз помню я мерцание
В слезах. Безмолвный рот,
Что тайное страдание
Твое не выдает.

И не был мир причиною
Слез, думал я в тот миг,
Овеянный кручиною,
Бесплотен милый лик.

Но понял я пророчество
Очей и странных слез
С тех пор, как одиночество
Теперь с собой понес.

И только слез блистание
Увижу где-нибудь, —
Теснит воспоминание
О прежнем счастье грудь.

1840

Словно солнца свет в тьме ночной простирает луч,
Появилась ты, о светоч мой, среди темных туч,
Собиравшихся низринуться проливной грозой, —
И рассеяла мрак, сгустившийся над моей судьбой.

Иль и вправду ты явилась мне предвестьем дня,
И блаженства свет, как в дни весны, озарит меня?
И разбудишь ты эгонь любви, что во мне затих.
И вернешь меня на радостный путь надежд былых?

О, сверкай мне, луч ослепительный, озари огнем
Тучи мрачные, что на небе залегли моем,
Чтобы ржавый мог светильник свой я возжечь
опять,
Чтоб с тобой одной мне голос свой как в былом
сливать,

Чтоб воспеть тот час, когда звезда с неба ясного
Обняла меня веселием дня прекрасного,
И оплакать то, что минули годы младости,
И восславить свет, зажегший мне звезды радости.

Я клянусь тебе лучом твоим, милый светоч мой:
Стоит облаку скрыть тебя пеленой ночной,
Не дышать тогда ароматом мне здесь, в родном
краю,
Лишь тебе одной отдать готов я всю жизнь мою!

МОИМ ДРУЗЬЯМ

В час, пока еще все в вас прекрасно и молодо.
А любовь бережет от душевного холода,
Стрел жестокой судьбы не страшитесь, веселые,
Отряхайте с ресниц эти слезы тяжелые.

Вслед за миром поющим, ничего не прощающим.
Все спешите вы — с сердцем, любовью пылающим.
Нам смешон молодящийся старец с морщинами.
Жалок юноша, ранними гордый сединами.

Лишь того я хвалю, кто тоски не вынашивал,
Кто судьбу свою пил полновесною чашею.
Всем придется нам спорить с безжалостным
временем
И склонять свою шею под тягостным бременем!

Сменит жизнь ваше утро жарою палящею,
И любовь скоро станет корыстью кипящею.
Я хотел бы одно лишь сказать вам заранее —
Верьте, сам я душою прошел испытание.

Не дружите с жеманницей, слишком красивою,
Что пленяет нам сердце песнею лживою.
Клятвы ценит она и взывания страстные,
Но любви в ее сердце искали б напрасно вы

Не сердись, о любовь моя, на пыланье речей
моих, —
Нет еще для бессмертных чувств нужных слов
у певцов земных.

Чтоб лучами весь мир залить, мне хотелось бы
солнцем стать,
Закатиться с исходом дня, чтобы ярче взойти
опять.

Я звездою хотел бы плыть, предвещающей
свежесть дня,
Чтобы розы и птичий хор ожидали с зарей меня.

Я хотел бы, чтоб ты была к нам сошедшей
с небес росой
И поля освежала бы, над которыми дышит зной.

Чтобы солнце взошедшее осушало росу лучом,
Чтобы жизнью наполнили они жаждущий мир
вдвоем.

Чтоб вдыхали растения счастье этих лучей живых,
Чтоб нам быть неразлучными до скончания дней
земных.

Как обыденным именем я назвал бы подобный пыл?
Ведь тогда бы и солнца свет только малой
звездой был.

Ведь и роза расцветшая не была бы тогда пышна.
И на поле безросное не сошла бы в цветах весна.

И обычной бы девушкой ты, прекрасный мой
друг, была.

Почему же ты все-таки словно гений небес светла?

В красоте твоей ангельской есть какой-то
нетленный свет,

И земного названия для любви моей вовсе нет!

1841

П аяву возник на пути моем храм в пустыне
Негасимый в нем трепетал огонь—дар святыне
Как кимвал Давидов, брядали там струны лир,
Вторил ангелу хоров ангельских горий клир.

Изнемогая в тревогах мира, усталый странник
Я в этом храме искал забвенья, я осквернить бы
Пусть было сердце превратным роком и тайной
В сиянии твоей лампы опять оттаяло бы оно.
Как волны чистого фимиама, как счастья зыбкая
Как жертва трепетного сердца, к ней вознеслась
И тайной радостью окрыленный, уже я видел
И мне, в блаженстве моем казалось, что предо
мною алтарь возник.

Но, минутный гость, радость жить с людьми не
умеет.

Он исчез, пустыня вокруг, молчит и немая
Как ночной туман, на глаза мои пелена легла.
Где огонь пылал, там тоска шуршит, никнет мгла.

Среди развалин, как легкий призрак, как тень,
исчез мой алтарь вдали.
Не злое ли время гневным взором стирает храмы
с лица земли?
Нет, но пресытись коварством мира, ты отлетела,
как легкий свет.
И мне остался лишь горький пепел — твоей
лампады погасший след.

Не смогла любовь возвести себе храм в пустыне!
Не затеплить мне моего огня от святыни,
Бесприютен я: то рука судьбы затворила
храм.
Кто прикроет мне грудь, открытую всем
ветрам?

Нежный голос пел,
А рояль гремел,
Счастьем в ночь дыша,
Голос звал, и в нем
Пела о былом
Вся моя душа.

С той, что пела там,
Я — вослед мечтам —
Не сводил очей.
Всю свою любовь,
Все, чем билась кровь,
Устремлял я к ней.

Был в любви живой
Орошен слезой
Яркий пламень щек.
Из волны кудрей
На груди у ней
Нежный локон лег.

Взгляд лукавых глаз
То сверкал, то гас,
Звал в счастливый сон
Нежных губ цветок.
Взор, как роза, влек,
Счастьем опьянен.

ШИЛИГРИМ И ГИАЦИНТ

Странник

Гиацинт, скажи, где нежный твой голубой цветок,
На который я и день и ночь любоваться мог?
Сладкий запах твой, живительный средь травы
степной.

Опьянявший нас и милый нам, где он, запах твой?

Гиацинт

Странник милый мой, страдаю здесь на чужбине я,
Нет мне сверстников — и песнь молчит соловьиная.
Скоро май придет, и оденет он мир в цветение,
Соловьиное послышится всюду пение,
Только я один в плену своем — я в тюрьме ночей
Не услышу вновь певца зари и любви моей.

Странник

Неужель, цветок, тоскуешь ты средь таких палат?
Сколько золота, мехов, камней! Как твой дом
богат!

Человек хранит тебя, цветок, дорожит тобой,
Что тебе мороз? Тебя спалить не посмеет зной.

Гиацинт

Ах, зачем мне, скажи, украшенный и большой
дворец?
В этой душной тьме отрады нет для земных
сердец.

Здесь по камешкам у ног моих не журчит ручей.
Не лежит роса прохладная на груди моей,
Ветерок ночной, живительный, не коснется уст,
И от солнца скрыть не может здесь ежевики куст.

Странник

Ты забыл, мой друг, что есть зима леденящая,
Злою гибелью в метельный час всем грозящая,
Человек тебя в тени хранит от ее угроз,
Лепестков твоих средь этих стен не побьет мороз

Гиацинт

Милый странник мой, конец всему на земле придет.
Но жалею я, что гибнуть мне подошел черед.
Одевается зимой земля, как вдова, в печаль,
Потому что ей с теплом расставаться жаль,
Но весна придет, и тогда она зеленеет вновь,
Только ласточки расскажут ей, что близка любовь!
Ах, когда бы мне услышать песнь соловья скорей,
Отвечать ему на нежный зов всей душой своей!

Странник

Гиацинт, прощай, я свой спешу разыскать цветок.
Как тебя, его в разлуке жить осудил злой рок.
Погибает он в черном крае от неволи злой,
Аромата мне сюда не шлет утешитель мой.

МЕРАНИ

Мчит, несет меня без пути-следа мой Мерани.
 Вслед доносится злое карканье, окрик враний.
 Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрям.
 Размечи мою думу черную всем ветрам!

Рассекай вихри, разрежай волны, над горной
 кручей смелей лети,
 Скачи быстрее, чтоб легче были нетерпеливому
 дни пути,
 Не ведай страха, мой конь крылатый, презирай
 бури, презирай зной,
 Лети, не станет просить пощады самозабвенный
 наездник твой.

Печали мало, если я брошу мою отчизну, моих
 друзей,
 Если забуду семью и кровных и нежный голос
 милой моей.
 Где ночь настигнет, где свет застанет, пусть там
 и будет родимый дом.
 О, если б верным поведать звездам, что в
 темном сердце горит моем,

Вверить сердца стон, вверить прах любви
 волнам шумным
 И крылам твоим восхитительным и безумным!

Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрям.
Размечи мою думу черную всем ветрам!

Пусть не усну я в земле отчизны, среди
старинных могильных плит;
Пусть дорогая моя мои останки слезой печальной
не окропит;
Мне черный ворон выроет яму в краю
безвестном, в пустых полях,
И вихрь бездомный, с плачем и воем, песком
засыплет мой бедный прах.

Не слезы милой, — дожди и росы мне в час
прощальный омоют грудь,
Не вздохи близких, — орлиный клекот меня
проводит в последний путь.
Несись, Мерани, мой конь крылатый, умчусь
вместе за грань судьбы!
Твой всадник не был пленником Рока и с ним.
как прежде, жаждет борьбы!

Пусть погибну я, роком проклятый, им
сраженный, —
Меч о меч, как враг, буду биться с ним,
непреклонный.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрям.
Размечи мою думу черную всем ветрам!

Нет, не исчезнет душевный трепет того, кто
ведал, что обречен.
И в диких высях твой след, Мерани, пребудет
вечно для всех времен:

Твоей дорогой мой брат грядущий проскачет,
 смелый, быстрее меня
И, поровнявшись с судьбиной черной, смеясь
 обгонит ее коня.

Мчит, несет меня без пути-следа мой Мерани.
Вслед доносится злое карканье, окрик враний.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрямя
Размечи мою думу черную всем ветрам!

Апрель 1842

О, не упрекай за неверность, красавица,
 Твой мнлый с изменчивым сердцем не
 справится.
 И вечную страсть не внушишь ему, нет.
 Душой будь прекрасна,— вот лучший совет.

Что прелесть телесная? Произрастание
 Цветка. Он расцвел. Но придет увядание
 И сердце, что внешней красой пронзено.
 Превратно, непрочное. Изменит оно.

Души красота — свет небесной обители.
 Он все озаряет. О люди, вместите ли
 Частицу сияющую божества?
 Любовь к ней блаженна и вечно жива.

Бессмертие в ней затаилось. Ни случай,
 Ни время ее не разрушит летучее.
 Любви чистых душ невозможно увянуть,
 Союз их скрепляет небес благодать.

Такая любовь драгоценность. И в небе я
 Не выбрал бы более сладкого жребия.
 В лучах совершенства приходит она,
 Бессмертною истиной осенена.

1842

НА МОГИЛЕ ЦАРЯ ИРАКЛИЯ

На колени пав, где камень твой, витязь истинный,
Я слезу пролью, назвав тебя, царь воишественный!
Что не встанешь ты взглянуть теперь, о святая
 ть,
Как над Грузией, над дочерью, всходит новый
 день!

Завещание я чту твоё, — дорогой залог,
Что в кончины час ты Грузии сироте изрек.
Все, что царственно помыслил ты, ныне явь, не
 сны, —

И едим плоды созревшие мы, твои сыны.

Волей случая изгнанники, дети снова тут,
Просвещения на родину голоса несут.
Их жива душа, любви полна; их души жара
Растопляет лед, огнем живет холод Севера.

Драгоценные несут они семена домой,
Чтоб сам-тысячу снять сбор помог благодатный
 зной.

Где владел грузин лишь силою, лезвием клинка,
Гражданина там, господствуя, сеет мир рука.

Сердцу Грузии гнев Каспия не опасен стал,
Не смутит теперь покой его буйной бури шквал.
С моря Черного не враг плывет вдоль шумящих
вод, —
Но со всех сторон собратьев к нам синий вал
несет.

Вечный мир тебе, святая тень! Иверийских сил,
Духа твердого опорю ты последний был.
Твой завет благой всей Грузии ныне ясен стал. —
Все гробницу чтут, твой памятник, что из слез
восстал.

1842

**НАДПИСЬ НА АЗАРПЕШЕ
КН. БАРАТАГВА**

Пьешь ли хмель в меня.
Лью веселье я.
Пьешь? Во здравие!

1842

Люблю глаза в истоме сонной,
Когда, любовью опаленный,
Мимо меня — на лилии и розы
Направлен взор их истомленный.
Мои убийцы, вас я изучил прекрасно,
Но я не отступлю, не ждите понапрасну.

Прекрасные, без сожаленья
Вы сердцу дарите мученья.
Но лишь подымите вы взоры к небу,
Я обретаю исцеленье.
Но ваш огонь чья б воля отклонила,
Когда б и смерть от вас — бессмертья не
сулила?!

1842

Локоны пали на грудь, словно змеи.
Грудь твоя — поле любви. Я не смею
Глаз отвести. То печаль, то надежда
Овладевают душою моею.

Если же ветер, ласкаясь, порою
Путает кудри и нежной игрою
Тешится, — зависть в глазах моих блещет,
Сердце от горя куда я укрою?

1842

ЗЛОЙ ДУХ

Злой дух, кто призвал тебя? Мрачный
вожатый

Ума моего. Беспокойством объятый,
Живу и не ведаю отдыха я,
И юная вера убита моя.

Ты это ль сулил мне в далекие годы?
Меня ты увлек обещаньем свободы,
Картиной блаженства утешил мой взгляд
И раем представил мучительный ад.

Где ж клятвы, что ты расточал так умело!
Зачем ты хотел, чтоб душа помутнела?
О злой искушитель, ответь, отчего
Сейчас ослабело твое колдовство?

И день тот слепой проклиная теперь я,
Когда я все помыслы, полный доверья,
Принес тебе в жертву. О, где же покой?
Страсть не утоляет дух страждущий мой.

Злой дух, отойди от души моей! Что я,
Теперь одинокий, бесчувственный, стою,
Усталый, с неверящим сердцем? Тяжка
Твоя поразившая душу рука.

Август 1843

Вытру слезы, в горе утешные,
Выжгу сердце свое мятежное
И возлюбленной пепел мертвенный
Посвящу, словно ладан жертвенный.

Рай в глазах ее отражается,
И светло она улыбается;
И, губя, дарует спасение;
Умудряя, шлет исступление.

Как красы не воспеть божественной,
Все дары совместившей, женственной,
Счастье с неба в душу навеявшей
И певца для себя взлелеявшей?

ЧИНАРА

Над крутой скалой одинокою
юно-свежая и тенистая
Возвышается из чинар одна,
вся воздушная и ветвистая;
И в тени ветвей сладко грезит так,
внемя шелесту их сплетения;
И под плеск воды забываются
все житейские огорчения.
А Кура шумит, ветерок вспорхнет,
шелестя, чинара качается;
И виденьями, вокруг встающими,
многогрезный сон навевается.
Меж бездушными, у безжизненных,
верю, есть язык свой таинственный,
И значение, что живеи всех слов,
разговор имеет их лиственный.
Как влюбленный ноги красавицы
покрывать спешит поцелуями,
Так, из пропасти бурно прядая,
о скалы Кура плещет струями.
Но чинара все над скалой стоит,
словно выше став, непреклонная,
Лишь качается опечаленно
голова ее отклоненная.

Чем сильней качнет вихрь красавицу,
 тем сильней Кура вторит стонами
И, объята как бы ревностью,
 разбивается в скалах волнами.
Так страдание, хоть и тайное,
 вечнолюбящей предназначено,
И воистину неба пламенем
 от любви она вся охвачена.

Славен тот, кто создал тебя, красота черноглазая:
Ночью — месяц ты, тихая, солнце днем,
Тем живу я, что жду тебя, пред твоим склоняюсь
Я один у родителей; не убей, пощади меня.

На селе я батрак простой, и брожу я без
Бурка мне за товарища, острый нож за наперсника.
Не хочу я богатств иных, кроме сердца любимого:
Нет на свете сокровища, больше мною ценимого.

10 апреля 1844

Если нам судьба шлет свидание,
И смеешься ты, словно ясный май,
Я в глазах твоих сердцем вижу рай
И горю, горю тихим пламенем.
Как люблю тебя, как люблю тебя, как люблю тебя,
Нету сил сказать!

Если ж мне дано разлучение
С ослепительной красотой твоей,
Я в тоске влачу тяжесть горьких дней,
И объемлет грудь мне томление.
Как люблю тебя, нету сил сказать,
Как люблю тебя, как люблю тебя, как люблю тебя,
Нету сил сказать!

То теряю сон, то грущу в слезах,
То весельем всех оживляю я.
То предсмертных мук ждет душа моя,
То земным живет, то плывет в мечтах.
Как люблю тебя, нету сил сказать,
Как люблю тебя, как люблю тебя, как люблю тебя,
Нету сил сказать!

ГОЛУБОЙ ЦВЕТ

Неба лазурный цвет,
Перворожденный цвет
Чту я от юных лет, —
Нет, не земной, о нет!
Даже теперь, когда
Студят мне кровь года,
Клятву даю — всегда
Лишь голубой любить.
Взор твой люблю, краса, —
Синие небеса —
С высей слетевший цвет,
Трепетный, пленный свет!
Далам небес привет,
Думы в лазурь стремлю.
Ласковый синий цвет,
Душу с тобой солью.
В смертный мой час слезы
Мне не видать родной, —
Лишь синева небес
Грудь окропит росой.
А как могильный сон
Свой разольет туман,
В жертву да будет он
Синему утру дан!

Нет числа врагам, всеблагой отец,
Что похитить хотят твоих овец.
Прости в помощь нам грозовую длань,
Ныне Грузию укрепи на брань!»

Так Ираклий царь перед битвою
Помощь божью звал с молитвою.
И слеза его, им пролитая
За отчизну, — жертва великая!
Драться с персами Ираклий привел
Войска свои в Крцанисский дол.
Маленький Кахи с Агой-Махмет-ханом
Будет сражаться, — с грозным и рьяным.

Вот враги показались несметные.
Небо чудное и приветное
Просияло над полем сражения.
Царь Ираклий войск своих рвение
Подымал, как отец, говоря им:
«Неприятеля дерзость мы знаем.
Басурманн на нас ополчается,
И сегодня в бою решается
Доля Грузии или бездолие,
Вашу доблесть увижу на поле я.
Буду драться я в битве славной
С вами вместе, как воин вам равный.
И смогу после боя сказать я,
Кто из нас любит родину, братья!» —

«Славен господь, тебя создавший,
Радостный голос услышать нам давший! —
Грянуло войско в ответ на речь: —
Все мы готовы костями лечь,

Только б здравствовал царь наш великий!
Нам не страшен враг, своему владыке
Все мы верны и своей отчизне,
И беречь мы не станем нашей жизни!»
Так царю на радость сердечную,
Словно дети отцу, все ратники
Изъявляют любовь бесконечную.

Затрубивший рог все сердца зажег
И на бой с врагом полки увлек.
Клич трубы родной, клич, зовущий в бой.
Подымет тебя, грузинский герой!
Храбреца разбудит, трусу поможет,
А тебе, влюбленному, сердце встревожит!

Был жестокий бой; горячо вскипев,
Как добычу рвет отощавший лев,
Так грузины на персов бросаются,
И с Курой реки крови сливаются,
Обе стороны бьются яростно,
И в сражении обе безжалостны.
Сын Моурави, Томаз, молодой удалец,
Абашидзе Иоани, кахетинский храбрец,
Самхетийский Капланишвили,
И с ним рядом Бараташвили
Увлекают грузин за удачею,
А Ираклия смелость горячая
Пробуждает удаль в груди бойца.
Хоть сражению не видать конца.
Уже стояла битва немало крови.
Вдруг грузины, шапки надвинув на брови
И рубя по-старинному шашкой,
На персов обрушились тяжко.

Мрак заставил людей разлучиться,
Но с победой идут иверийцы.
Царь на войско взглянул, и невольно
Он победой своей недоволен.
Он купил ее жертвой немалой;
Много нынче за родину пало
Молодцов удалых и хороших.
Но могилы ты не найдешь их.
Имена их развеяны в дыме,
Не стоит даже камня над ними,
Чтоб гласил о делах их безмерных.
Тишина приняла этих верных.
Не тревожьтесь, сердца героев!
Не забудем мы этого боя!
То, что душу сожгло нам, как пламя,
Передастся потомкам нами.
Будет Грузия чтить ваши раны,
Пока помнит Ага-Махмет-хана.

Говорит царь Ираклий с верными:
«Мы укроемся лучше за стенами.
Укрепим нашу крепость, братья.
Только удали завтра нехватит.
Пусть в твердыне нас перс застанет.
Его войско — вы знаете сами.
Увидав эти стены хотя бы,
Он поверит, что мы не слабы.
Встарину ведь еще говорили,
Что хитрость равняется силе».
И, речам государя покорные,
Все в город вошли ночью черною,
И войскам стена Нарикала
Щитом и броней стала.

Поднялось в небесах светило,
Но не светом Тифлис покрыло,
А тьмой непроглядной и синей:
Шел Ага-Махмет-хан к твердыне!
Он три ночи стоял у стен, три дня,
Но стены вздымались, грузин храня.
Призадумался грозный персидский царь.
Он понял, что будет стоять без конца,
И решил удалиться отсюда.
Но ждал часа предатель Иуда.
Принесло этот час утро влажное;
Вот изменника руки продажные
Дверь открыли для вражеской рати,
Персам предали спящих собратий!
Царь Ираклий в часы рассвета
Услыхал о низости этой.
Его сердце, разившее смело,
Его царское сердце вскипело.
Все усилья теперь напрасны,
Ага-Махмет-хан самовластный
Прошел в ворота невозбранно
И картвельцам предстал неожиданно.
Он начал искать, как зверь разъярен,
Того, кто посмел тегеранский трон
Развенчать средь грузинских нагорий.
Но коня уж Ираклий пришпорил,
В Мтиулетию, в горы сохранные,
Сбавив персам их радости бранные.

ГЛАВА II

Мчит Арагва, спеша, воды чистые,
Гул летит через горы лесистые,

И играет она все бесстрашнее
С полями и горными пашнями.
Берега ее яркозеленые,
Травы, негою напоенные,
И сердце грузина беспечное
Красотой залюбуется вечною.
Пусть торопится он к невесте,
Но он слезет с коня в этом месте.
Да и кто отдохнуть здесь не любит?
Он трижды вина пригубит,
Пустьит лошадь, вздремнет немного,
Омоет лицо с дороги,
Песнь запоеет об Арагве,
Зеленые славя овраги.
Коль затем опоздать случится,
Он этим не огорчится.

Лег закат, полный неги и хмеля,
На отроги гор и ущелья.
Где Арагва бежит, извивается,
Там Старый чертог возвышается.
Там Ираклий-царь среди высоких гор
Устремляет вдаль утомленный взор
И вплетается дуמוю черной
В длинных четок янтарные зерна.
Прибыл вместе с царем в ту обитель
Соломон, судья и правитель.
Кто не помнит его и его заслуг?
Он слуга царя и любимец слуг.
Но ушли от нас мужи зрелые,
Не ободряют нас речи смелые!
Долго слушал царь, затаив печаль,
Как рокошет река, убегая вдаль,

И, усталый, так говорил судье:
«Мое сердце ты изучил в беде!
И ты знаешь все, что здесь было,
И в чем Грузии жизнь и сила.
Уж не раз мою грусть, как увечье,
Исцелял ты разумною речью.
И теперь с сердца ношу я скину
И откроюсь тебе, как сыну.
Иверийцам я не по нраву был,
Долго в юности на чужбине я жил.
И дни царства стали безмерными,
Прежде чем я их сделал верными!
И когда после дней страдания
Я готовил стране процветание,
Как мои сыны обошлись со мной?
Что задумали за моей спиной?»

И теперь, поощренный, как на беду,
Аги-Махмет-хана кровавый дух
Не успокоит своей гордыни,
А время соратник ему отныне.
Он кликнет, лезгин позовет на подмогу,
И турки вновь к нам найдут дорогу,
И сонмы врагов позовут нас в бой,
А мои сыны на ножах меж собой.
Но силу мою уносят годы,
Хоть я с твердой волей терплю невзгоды.
И, взглянув на меня, ты увидишь в страхе,
Что я уж не тот, не маленький Кахи.
Укажи на достойного сына мне,
Что стал бы жезлом своей стране.
Не довольно ли, боже, страдания
Ниспослал нам на испытание?»

И какой ответ ты мне дашь, судья?
Ты подумай, сын, как подумал я.
Имя русское славят все давно,
И царь доблестный правит их страной,
И меж нами связь изнутри сильна,
Православие — наша вера одна.
Завещаю его благостыне
Счастье Грузии я отныне».

С изумлением поглядел судья
На сказавшего так своего царя,
И ему непонятым мнилось,
Что так сердце царя изменилось.
«Что услышал я? — он вскричал в ответ. —
Дай вам, господи, много долгих лет, —
Пусть такую речь я слыхал один,
Пусть она не дойдет до других грузин!
Нас сейчас ничто не неволит
Продавать драгоценную волю.

Неужели грузин своевольный
Будет в русских руках доволен?
Православие нам не поможет,
Ведь народы различны все же,
Ведь иной и обычай и нравы,
И могущество русской державы
Не покажется ль клеткой нам узкою?
И сойдутся ль грузины и русские?
Не останутся ль без внимания
Все грузинские пожелания?
Обречешь ты многих людей в стране
На страдания в тайне и тишине,
И не будет отныне чтимо

Твое имя, что так любимо.
Государь, зачем ты желаешь зла?
Нет, тебе не к лицу такие дела.
Кто не может Грузией править,
Тот об этом подумать вправе,
Мы, твоей подчиняясь власти,
И несчастье сочтем за счастье!» —

«Соломон, мой друг, — царь в ответ ему, —
Это все известно мне самому!
Польза Грузии — вот мечта моя,
И о ней одной беспокоюсь я,
Не как царь, что, гоняясь за славой,
Закипает волною кровавой,
А просто как самый нежный отец,
Что сына жалеет по доброте
И хочет устроить при жизни.
Тяжело сознавать, что в отчизне,
Что ни день, то война и тревога.
Первый бой стране стоил много,
И не скоро залечим мы рану.
Хорошо, что Аге-Махмет-хану
Было вдоволь одной победы
И не ждали нас худшие беды!

Неужели время еще далеко,
Когда Грузия обретет покой?
А России защита помочь нам должна,
Нашим врагам отмстить сполна.
И тогда мы будем спокойны,
Что христиане приходят достойно
На могилах предков молиться,
Что не тронуты их гробницы!»

И, не выдержав, говорит судья,
Огорчения своего на тая:
«Твоих замыслов не пойму, прости!
Иль не знает Ираклий, что рады снести
И стерпеть мы любые невзгоды,
Лишь не трогали б нашей свободы!» —

«Справедливы твои, Соломон, слова!
Но что делать, идет кругом голова
В дни несчастья и разлада!
Что Ираклию сделать надо,
Чтобы подданных мир обеспечить?
Хороши и мудры твои речи.
Голос сердца убить не легко мне!
Но мои ты слова запомни:
Не сегодня, так завтра, пойми ты,
Мы у русских попросим защиты».

Так Ираклий-царь и канцлер царя,
За отчизну тревогой сердечной горя,
Судьбы Грузии разрешали,
А грузины ходили в печали.

Высоко меж тем поднялась луна,
Светлой радостью растеклась она.
Небосвод, лучами усеянный,
Горный воздух, негой обвеянный,
И Арагвы блистанье при свете луны
И журчанье ее бегущей волны
Сердце царя взволновали глубоко,
Вырвался стон у него одинокий,
Вспомнил он юности годы хваленые.
Среди кахетинцев им проведенные,

Когда царство не нес на плечах он, как бремя,
А коротал беззаботное время
И Кахетии был героем любимым,
И славился в битвах непобедимым.

Оставался долго в раздумьи царь,
И печаль не сходила с его лица.
Соломону он отдает приказ:
«Время пришло поглядеть сейчас
На город наш, разоренный врагом.
И Кахетию я огляжу кругом.
Кахетинцев нужды я должен узнать
И в поток их дум заглянуть до дна.
Ты отправишься первым в город,
За тобой я последую скоро».

Заря освещает крутую тропу,
В ущелье Ксани судья держит путь.
Пожелал, на время войны, судья,
Чтоб здесь поселилась его семья.
По дороге в город ему по пути
Навестить жену и в свой дом зайти.
Были мысли его тревогой полны,
Размышлял про себя верный сын страны:
«Боже, слава тебе, но за что ж
Одному человеку права ты даешь,
И слову его подчинен весь народ,
И глупец, и тот, кто мудрым слывет?
Он вершит их судьбу изначальную,
Словно кости бросает игральные.
Но кто дал тебе право, царь, скажи,
Отдавать другому подданных жизнь?
Голосу сердца внимая в беде,

Ты попираешь свободу людей.
Народом дано тебе званье, царь,
Чтоб ты охранял наш уклад, как встарь.
Голос царского сердца, запомни твердо,
Принадлежит твоему народу!

Быть может, сданные персам стены
Всех нас покрыли позором измены.
И в сердце царя пробудился гнев,
И полон он презренья к своей стране?
Но Ираклий знает отлично,
Что народом любим безгранично,
Почему так жестоко теперь суров
Тот, кто за нас умереть был готов?
Но — кто знает? Ираклий в решениях смел,
Он ищет для Грузии лучший удел,
И божественных дум его пути
Разуму подданных не постичь».

Предаваясь думам таким и мечтам,
Судья подскакал к своим дверям.
Навстречу выходит, любви полна,
Любезная Софья, его жена.
Ее красота была всех благородней,
И многие помнят ее посегодняя.
Увидала она, взойдя на крыльцо,
Что печаль изменила мужа лицо.
Об Ираклии тотчас спросила, что с ним,
Так был Ираклий всеми любим.

«Показалось мне, что наш властелин
Разгневан сильно на нас, грузин.
Его душа сильных чувств полна,

Жестоко нынче погрясна;
Царь наказать желает, суров,
Непокорность бедных своих сынов,
Подчинить грузинское царство
Власти русского государства.
Посмотри на женщин тогда, что знатны.
Жены вельмож будут рады, понятно,
Жить в Петербурге, в русской столице
Что же вам, Софья, не веселиться?
Государь будет вас, как отец, ласкать,
А царица легко вам заменит мать.
Вы найдете свободную долю,
И богатства и пышности вволю.
Вы оденетесь в бархат и жемчуга,
До вас не домчится голос врага.
Множество радостей, всякий час,
Найдется там, чтоб утешить вас.
Кому же будет тогда угодно
Сделать Грузию опять свободной!» —

«Пусть лучше умру я ныне,
Чем жизнь коротать на чужбине,
Где так чуждо все и неясно
Сиротливой душе и несчастной.
Соловей, чуть величем прельстится,
Уже он в клетке, пленная птица.
А поле ему — родимый мир,
Там он рад и печаль воспевать, как пир.
Зачем человеку почет и слава,
Когда на свободу лишен он права?
И на родине ты снесешь беду,
Утешения, как ростки, взойдут.
Там душа душе может все открыть,

Там от сердца к сердцу протянута нить.
И зачем любоваться нам на других,
Коль наши правители нам дороги,
И достойнее нет на свете,
И привязаны к ним мы, как дети?
И взамен царицыной нежной души
В час, когда нас горе крушит,
Не найдем ничего мы в жизни»

.

Ожидал судья, что в душе жены
Чувства изменчивы, неверны,
Но услышав ее ответные речи,
Он с нежностью обнял ее за плечи.

Жены грузинские, вечно блаженны,
Память о вас благословенна!
О, если б величие наше имели
Те, что качали нас в колыбели!
Есть ли теперь такая дочь,
Что родине жаждала бы помочь?
Ветер Севера, злой и холодный,
Сделал пылкость их души бесплодной.
Равнодушны они к отчизне,
Лишь ничто б им не портило жизни.
Что им Грузия, и на что им она,
Разве худо, что русским она отдана?
Приблизившись к городу, маленький как
Долго смотрел на него в слезах.
Нет уж прежних великолепий!
Дом родной превратился в пепел,
Бесприютно все, неприкаянно,
В запустенье пришло без хозяина.

Тишина вокруг изначальная,
Только шепчет Кура печальная,
Напоенная кровью любимых.
Она лишь одна невредима.
Только прибыл царь Ираклий в Тифлис,
Как грузины со всех концов потекли,
И город расти стал снова,
Хоть ничем не вернуть былого.
Годы мирные были даром судьбы.
Но Ираклий вновь поднял меч борьбы,
С лезгинами дрался сердито,
И были им персы разбиты,
И в старости снова, готовый к бою,
Заставил он турок дрожать пред собою,
Он имя прославил свое громогласно,
Но все было тщетно, все напрасно:
Судьба Грузии на все времена
Сердцем Ираклия решена.

1839. Тбилиси

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты стихотворений А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и Н. Бараташвили печатаются по книге «Грузинские романтики», большая серия «Библиотеки поэта», 1940. В примечаниях и биографических справках, приведенных в статье, частично использованы материалы, подготовленные для большой серии «Библиотеки поэта» А. Гаццеллия.

А. ЧАВЧАВАДЗЕ

Мухамбази («Кто пьет вино, блажен сто крат»). Мухамбази (или Мустазади) — по-арабски — пятистишие. В грузинской поэзии этот вид стиха имел песенный характер и применялся в форме застольной песни. С течением времени структура мухамбази нарушается — изменяется чередование рифм, увеличивается и сокращается количество стихов и пр. В таком — измененном — виде мухамбази встречается и у грузинских романтиков. *Ариалали, Тариалали* — припев застольной песни.

Баяти (перс. Бейти) — стих. Строфа Баяти состоит из четырех строк, по семь слогов в каждой. *Маджама* — омонимическая рифма.

«Горе я скрывать устал». В этом стихотворении дан восточный род строфы, называемый в персидской поэзии Тарджи-эбанд.

Строфа эта состоит из произвольного количества строк с рифмами, расположенными как в газеле, и с припевом из двух полустихий, рифмованных между собою. Припев этот повторяется в конце каждой строфы и связан с нею по смыслу.

Мустазади. *Мустазади* — форма, аналогичная мухамбази. Мустазади состоит из пяти строф по пять стихов в каждой. Рифмы расположены как в газеле.

Гафи («Вы проходите дорогою»). *Гафи* — мелодия, лад.

Каида. *Каида* — лад, строй.

Каида на османский лад. Судя по приписке А. Чавчавадзе в рукописи, стихотворение написано на мотив популярной в то время турецкой песни «Темро, темро». В рукописи слово «темро» объяснено как происходящее от имени Темур.

Кавказ. *Цицишвили* — кн. Павел Дмитриевич Цицианов (1754—1806), генерал, командовавший русскими войсками в Грузии. Один из виднейших «усмирителей» и завоевателей Кавказа.

«Не мни, что во своей ты власти». Стихотворение было положено на музыку и стало песней, популярной в Грузии в 40-х годах XIX века.

Саари. Саари — мелодия, исполняемая на рас-
свете, в конце пира.

Рождение сына. Солнце, вернись домой! —
припев грузинской колыбельной песни.

Г. ОРБЕЛИАНИ

Антону. Антон — Антон Егорович Орбелиани,
близкий друг поэта. В 1833—1834 годах служил
в грузинском гренадерском полку.

Плачущей Н. Стихотворение, написанное в
1829 году, посвящено Нине Грибоедовой (урожд.
Чавчавадзе), которая овдовела в этом году (А. Гри-
боедов был убит 30 января 1829 года). Г. Орбе-
лиани в молодости был влюблен в Нину Чавча-
вадзе.

Прощание. Посвящено Софии Орбелиани,
которую любил поэт. «Прощание» написано в
1831 году, к которому относится отъезд Г. Орбе-
лиани в Россию.

Эпитафия Мирзаджана. Мирзаджан
Мадатов жил в Тбилиси, служил при Ермолове
переводчиком и сопровождал его в военных экспе-
дициях. В 40-х годах служил в Дагестане. Мир-
заджан был большой любитель пирушек; он нахо-
дился в дружеских отношениях с Г. Орбелиани.
Стихотворение написано в 1832 году. Ясно, что
поэт шутит, говоря от имени умершего Мирзад-
жана.

Мухамбази («Ни для кого досуга мне нынче нет»). Саломэ — С. Орбелиани-Чавчавадзе, жена поэта А. Чавчавадзе. Бежан Мкарвали — тбилисский портной. Стихотворение написано в 1833 году в Авлабарских казармах (в Тбилиси), где Г. Орбелиани находился под арестом за участие в заговоре 1832 года.

Подражание Саят-Нове. Саят-Нова — замечательный народный певец XVIII века, слагавший стихи на грузинском, армянском и тюркском языках. Чианури, — музыкальный четырехструнный инструмент, похожий на скрипку. Хинико, хинкико — звукоподражание, воспроизводящее звук чианури

«Не жаль мне роз, что нынче вянут». Нина — Нина Чавчавадзе, жена Грибоедова.

К Саломэ (От лица Бежана-портного). 23 марта 1835 года Г. Орбелиани писал из Польши Саломэ Чавчавадзе: «Уж третий день как я приехал из Риги сюда, где застало меня Ваше письмо, в котором Вы пишете о рождении третьей дочки, т. е. третьей грации (речь идет о Софье Чавчавадзе). Поздравляю, но что ж делать, Саломэ! До сих пор у тебя были две дочки, и от Петербурга до Испани все сходили с ума — теперь эта третья. Не сердись, Саломэ! Кажется, сомневаются в новорожденной. Мне кое-что шепнул на ухо Бежан-портной, чего сказать я не могу; это секрет — и поэтому стихи, сочиненные

Бежаном, посвящая новорожденной...» (Гр. Орбелиани. Письма, т. I, стр. 25). *Солнце, вернись домой!* — припев грузинской колыбельной.

Моей сестре Ефемии. *Ефемия* — сестра Г. Орбелиани, мать поэта Н. Бараташвили. Стихотворение написано в 1834 г. в Риге. Оно передает душевное настроение во время пребывания поэта в Авлабарских казармах в 1832 г. после его ареста и смерти матери.

Н(и н)е («О любимая, тобою»). Посвящено Нине Грибоедовой. Написано в 1835 году в Риге. В этом году поэт получил письмо от Н. Грибоедовой. 25 июля он писал Саломэ Чавчавадзе: «В 17 верстах от города Риги находится деревня, вернее, один дом под названием Скрондебуде, где помещается моя квартира. 5 июля я сидел там один и смотрел из окна на проезжающих в дилижансах, на коз домохозяина, кур и на подобные занимательные сельские картины. В это время пришел адъютант и принес мне два пакета — один от моего брата, другой — не мог узнать от кого, хотя и долго рассматривал его. Увы, я не узнал почерка Нины, но как я мог представить себе такое счастье?! В ту же минуту, на радостях, я велел позвать песенников и заставил их орать до вечера. Голоса их были слышны в Риге... Теперь ваши письма я ношу у сердца, как частицу мощей, перечитывая каждый день, вместо акафиста». (Гр. Орбелиани, Письма, т. I, стр. 32). Нине же Грибоедовой в приписке к этому письму он гово-

рил: «Благодарю и еще 17 возов, нагруженных благодарностью, подношу Вам. Воистину не ожидал от Вас письма, и радость моя была тем более неожиданной. Написав до сего места, я до того изнемог, что был не в силах закончить письмо и отправился в госпиталь, где нахожусь по сие время, в белом халате, в белом колпаке и белых чулках. Привязалась какая-то сердечная болезнь, но теперь божьей милостью я здоров». (Там же, стр. 33—34).

М у х а м б а з и («Сбирайтесь, други»). *Алаверда* — тбилисский татарин, певец. Был известен в конце XVIII—начале XIX века. Царевич Иоанн, грузинский писатель, в своей эпопее «Калмасоба» упоминает о нем рядом с Саят-Новой. Сам Г. Орбелиани оставил примечание о нем: «[Алаверда] был выдающимся певцом». *Тари* — восточный музыкальный инструмент, пяти, иногда шести струнный. По своей форме похож на гитару. *Диплипито* — музыкальный инструмент, представляющий собою два усеченных конуса, поверх которых натянута козлиная кожа. *Дядя Пир* — Мирзаджан Мадатов (Прим. Г. Орбелиани). *Толумбаш*, или тамада, — избираемый сотрапезниками председатель стола во время пира. «*Родинка любимой — любви престол*». В 1837 году поэт писал своему брату Захарии: «Ты ведь знаешь, насколько польские женщины любят романы. Одна женщина удивительно похожа на Елену (жена полковника Э. Эристави), на правой щеке у нее родинка, — азиатский вкус! Я первый занес в их среду восхваление родинки, которую назвал «престолом любви» (Гр. Орбелиани, Письма, т. I, стр. 44).

Воспоминание. В стихотворении Г. Орбелиани имеет в виду Нину Грибоедову. Лето она обыкновенно проводила в Цинандали, куда поэт, в бытность свою начальником всей лезгинской линии, заезжал летом 1851 года.

Жалобы Дмитрия Оникашвили. Дмитрий Оникашвили—близкий знакомый Г. Орбелиани, любитель кутежей и веселых пирушек. Или в бане устраивать пиршества. В знаменитых тбилисских банях, которые описывает Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум», устраивались пиршества; начинались они в садах, заканчивались в банях. Ортачалы—пригородная часть Тбилиси вдоль берега р. Куры, где были разведены сады. В 50-х годах Ортачалы считались местом пиров и увеселений.

Мухамбази («Сплю—и во сне ты в сердце, любимая»). Лопиана—рыболов, который каждое утро приносил Г. Орбелиани только что пойманную, живую рыбу. Лопиана был знаменитым кулачным бойцом.

Песнь кинто. Кинто—уличный торговец.

Состарился. Стихотворение написано поэтом в год его кончины (1883).

Здравный гост. Поэма написана на взятие города Эривани русскими войсками под начальством Паскевича (в 1927 г.). Г. Орбелиани принимал участие в операциях русской армии при

взятии Эривани. *Фарнаоз* — первый царь Грузии (III век до н. э.); летопись приписывает ему составление грузинской азбуки. *Мириан* — грузинский царь (IV век), при котором в Грузии утвердилось христианство. *Горгаслани Вахтанг* — грузинский царь (V век). По преданию, на его шлеме было изображение льва и волка. *Царь Давид* — Давид-Возобновитель, в царствование которого (1089—1125) грузинское государство достигает наивысшего политического и экономического расцвета. Г. Орбелиани замечает: «Давид-Возобновитель воцарился тогда, когда Грузия была совершенно опустошена мусульманами». *Султан* — «Шемахинский султан скрылся при приближении войска царя Давида» (прим. Г. Орбелиани). *Ширван* — бывшее ширванское ханство, занимавшее большую часть нынешнего Азербайджана. *Тамара* — знаменитая грузинская царица, в царствование которой (1184—1211) Грузия достигает наивысшего своего могущества. *Орбели* — крупнейший феодальный род в Грузии в XII веке, *Шота* — Шота Руставели, величайший грузинский поэт (XII век). *Чкондидели* — архиепископ Антон. *Мхаргрдзели Захарий* — чкондидский (Мингрелия) главнокомандующий царицы Тамары. Эту должность З. Мхаргрдзели занял после смерти начальника войск Гамрекели. *Дидубэ* — загородная часть Тбилиси. «В Дидубэ находился дворец царицы Тамары, где состоялась вторая ее свадьба» (прим. Г. Орбелиани). *Карну* — «город, нынешний Арзрум» (прим. Г. Орбелиани). *Арес* (Аракс) — правый приток Куры. *Каввин* — город в Иране. *Кетеван* — жена карталинского царя Георгия X, цар-

ствовавшего с 1600 по 1605 год. Царица Кетеван была взята в заложницы иранским шахом Абасом I; отказавшись принять мусульманство, она была подвергнута жестоким пыткам и казнена в 1624 году. *Елизбар, Шалва* (ксанские феодалы) и *Бадзина Чолокашвили* — принимали участие в заговоре против иранцев. Были казнены в 1651 г. *Девять братьев знаменитых* — «Хархеулидзе, прославленные мужеством и доблестью, погибли вместе в сражении у Марабды лицом к лицу с шахом Абасом» (прим. Г. Орбелиани.) Сражение у Марабды произошло 24 июня 1614 года. Иранским войском командовал Георгий Саакадзе. *Амилахвари* — «Один из членов фамилии Зедгенидзе предупредил царя (кажется, Георгия) о заговоре и готовящемся ночью покушении на его жизнь. Царь отнесся с недоверием к его словам. Для доказательства своей правоты тот вместо него лег в его постель. В ту же ночь он был заколот и изрублен заговорщиками. За такую самоотверженность царь даровал всей фамилии Зедгенидзе титул Амилахвари; нынешние Амилахвари являются потомками Зедгенидзе» (прим. Г. Орбелиани). *Вот Заалы* — их четыре. Заал — собственное имя. «По фамилии они были: Орбелиани, Бараташвили, Андроникашвили и Бортисшвили-Мачабеди. Царь Ираклий говорил: «Каждый Заал стоит целого войска» (прим. Г. Орбелиани). Царь Ираклий — Ираклий II, грузинский царь, выдающийся полководец XVIII века (1716—1798). Ираклий II был вынужден просить защиты у России, и в 1783 году 24 июля, в силу заключенного в городе Георгиевске трактата, Грузия приняла про-

текторат России. После нашествия Ага-Магомет-хана и разорения Тбилиси (1795 год) Ираклий II жил недолго. Он скончался в городе Телави в 1798 году. *Царь Вахтанг* — карталинский царь (царствовал в 1711—1717 и 1719—1724 годах). Составил знаменитый свод законов; основал первую типографию в Тбилиси, где впервые была напечатана поэма Шота Руставели (1712 год); собрал старинные грузинские хроники и летописи. *Леван* — царевич Леван, сын царя Ираклия II. Г. Орбелиани в своих примечаниях пишет: «сын Ираклия, высокоодаренный, доблестный муж. За выдающуюся храбрость и мужество царь вручил ему свое знамя и две тысячи прославленных своей отвагой воинов. По его совету царь ввел регулярное войско. Смерть царевича Левана молва приписывает его жене, которая якобы отравила его». «*Соломон и Отар* — были братья Кобулишвили» (прим. Г. Орбелиани). *Кварели* — деревня в Кახетии. *Ратишвили* — участник войны с лезгинами. *Боста* — «У царя Ираклия, разбитого аджарцами на берегах Алазани, пала лошадь. Царь попросил у кизикийского моурава (судьи) Тамаза Андроникашвили коня. Тамаз ответил: «Государь, подсядьте ко мне, и мы спасемся оба, — ведь враги нас настигают». — «Стыд и позор тебе и твоей лошади», — ответил царь. В это время подъехал молодой человек, соскочил с коня и подвел его царю, чем избавил Ираклия от грозившей опасности. Этот молодой человек был Боста, потомки которого, возведенные в дворянство, носят фамилию Босташвили» (прим. Г. Орбелиани). *Сыны Нодара* — князья Вачнадзе, участники войны

с лезгинами. *Давид* — «Давид принадлежал к роду Бараташвили» (прим. Г. Орбелиани). *Мебуришвили* — участник войны с лезгинами. *Давид* — «Орбелиани, военачальник, прославленный своим героизмом и отвагой. Блестящие победы, одержанные над Азат-ханом около Эривани и в Аспиндзском сражении над турками и лезгинами, следует в значительной мере приписать Д. Орбелиани». (прим. Г. Орбелиани). *Волк земли Захарий* — «Захарий Андроникашвили, кизикийский моурав, выдающийся герой. Лезгины называют его «Волком земли» (прим. Г. Орбелиани). *Азат* — *Азат-хан* — предводитель афганцев. Был разбит Ираклием II у Эривани в 1752 году. *Аспиндзи* — деревня в Верхней Карталиннии, где 20 апреля 1770 года Ираклий II нанес жестокое поражение многочисленному турецкому войску. *Триста беззаветных храбрых воинов Душети* — «Триста арагвинцев прибыли в Тбилиси из Душети во время нашествия Ага-Магомет-хана (1795 год). Они дали клятву царю не уходить с поля брани живыми и все до единого погибли в этой битве. Арагвинцы были подчиненными царевича Вахтанга: они погибли у Кацанисских садов» (прим. Г. Орбелиани). *Вот Ираклия долина* — местность в Армении, где стояло войско Ираклия перед взятием Эривани. *Занга* — река в Армении. Александр Вахтангович *Джамбакур-Орбелиани* — грузинский писатель (1800 — 1869). Один из участников заговора 1832 г., панегирист и автор исторических драм, критических статей и мемуаров. Г. Орбелиани был в дружеских отношениях с А. Орбелиани.

Соловей над розой. *Ксани* (Ксанка) — река в восточной Грузии, левый приток Куры.

Сумерки на Мтацминде. *Мтацминда* (святая гора) — гора в Тбилиси, на склоне которой выстроен монастырь св. Давида и находится кладбище писателей и общественных деятелей Грузии. Любимое место прогулок Н. Бараташвили.

Дяде Григолу Орбелиани. *Григол Орбелиани* — брат матери А. Бараташвили. *Кабахи* — скаковая площадь в Тбилиси, некогда принадлежавшая кн. Орбелиани. Слово «Кабахи» обозначает по-персидски мачту, на верхушке которой находился приз, которым награждался победитель в состязаниях.

Ночь на Кабахи. *Коджоры* — дачное место под Тбилиси. *Кафлан* — Каплан Асланович Орбелиани, родственник Н. Бараташвили, близкий друг поэта Г. Орбелиани. Песня, которую поет Кафлан, — стихотворение А. Чавчавадзе: «Не мни, что во своей ты власти», — популярная песня в Грузии в 40—50-х годах прошлого века.

К. чонгури. *Чонгури* — грузинский струнный музыкальный инструмент.

Княжне Екатерине Чавчавадзе. *Екатерина Чавчавадзе* (1816—1882) — дочь поэта А. Чавчавадзе, жена владельца Мингрелии

Д. Даднани, впоследствии правительница Мян-грелии. Е. Чавчавадзе обладала хорошим голосом и играла на музыкальных инструментах.

М е р а н и. *Мерани* — крылатый вороной конь. Один из традиционных грузинских мифологических образов, параллельный образу Пегаса.

Надпись на азарпешехи. Баратаева. *Баратаевы* — руссифицированная фамилия старинного грузинского рода князей Бараташвили. Михаил Петрович Баратаев (1784—1856), к которому обращено стихотворение, — известный нумизмат. В 1844 году в Петербурге издал на грузинском, французском и русском языках книгу: «Нумизматические факты грузинского царства».

Судьба Грузии. Идейное содержание поэмы связано с событием, оказавшим огромное влияние на ход развития политической и культурной жизни Грузии, — присоединением Грузии к России (1801). Политика сближения с Россией традиционно связывалась с именем царя Ираклия II (1716—1798), выдающегося полководца XVIII века. Деятельность Ираклия нашла свое выражение в трактате 1783 года, по которому Грузия принимала протекторат России. Против политики Ираклия II ополчилась грузинская знать, во главе с государственным канцлером Соломоном Леонидзе. До 30-х годов прошлого века грузинская аристократия и дворянская интеллигенция тайно придерживались точки зрения С. Леонидзе. Позже, когда грузинское общество уже не питало надежд на возро-

ждение национальной независимости, политика царя Ираклия II стала восприниматься как единственно мудрая и дальновидная. Присоединение Грузии к России Бараташвили воспринимает как историческую неизбежность. В речах канцлера Леонидзе выражены республиканские идеи, связанные с политическими идеалами автора, который сочувствовал заговору 1832 года. *Маленький Кахи* — Ираклий II, прозванный так за свой маленький рост. *Крцаниси* — южное предместье Тбилиси. Здесь осенью 1795 года произошла битва между Ираклием и иранцами. Ираклий разбил передовой отряд иранцев, но затем, в виду численного превосходства иранцев, вынужден был отступить. *Ага-Магомед-хан* — персидский шах, разгромил Тбилиси в 1795 году; был убит в Шуше в 1797 году. *Томаз и Иоанн Абашидзе* — военные деятели XVIII века, имеретинские князья, участники крцанисской битвы. *Бараташвили и Капланишвили* — полководцы, участники крцанисской битвы. *Нарикала* — крепость в юго-восточной части Тбилиси. От крепости сохранились развалины. *Соломон Леонидзе* — канцлер царя Ираклия II. После присоединения Грузии к России Леонидзе бежал в Западную Грузию и там продолжал свою деятельность при дворе царя Соломона II, проводя националистическую политику.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили. Вступительная статья <i>А. Островского</i> и <i>А. Федорова</i>	5
«О года, года! Вы прошли, года». (Перев. С. Шервинский)	31
Мухамбази («Кто льет вино, блажен сто- крат»). (Перев. А. Оношкович-Яцyna)	33
Мухамбази («Открывает март свой весен- ний сад»). (Перев. А. Оношкович- Яцyna)	36
Любовь. (Перев. Б. Брик)	38
Мухамбази. («Красоте твоей завидуют же- ны») (Перев. А. Оношкович-Яцyna).	39
Джанкуки. (Перев. С. Спасский)	14
«Распустившаяся весной». (Перев. С. Спас- ский)	42
«Багряною зарей освещенная». (Перев. О. Бич)	44
Баяти. (Пер. В. Успенский)	45
Дворцу Павла Первого в Петербурге. (Перев. С. Спасский)	46
Бьется сердце (Перев. С. Спасский)	47
«Горе я скрывать устал». (Перев. В. Ус- пенский)	48
Мустазади. (Перев. С. Спасский)	50

«Горе этому миру и тем, кто собою». (Перев. М. Фроман)	51
Мухамбази. («О любовь жестокая, о любовь блаженная»). (Перев. В. Успенский)	53
Времена жизни. (Перев. М. Фроман) . .	55
Гафи («Вы проходите дорогою»). (Перев. С. Спасский)	56
«Кто узнать мою хочет участь». (Перев. С. Спасский)	58
«Я дивлюсь, отчего порицать покоренных красую». (Перев. С. Спасский)	60
Мухамбази. («О любимая! Безумен я. Мой удел жесток»). (Перев. В. Успенский).	62
Гафи Хусейн («В небе на радость мне взойди, луна»). (Перев. Л. Успенский) .	64
Кипарис Эдема. (Перев. С. Спасский) . .	66
Гафи («Просьбы множу я: пощади»). (Перев. С. Спасский)	67
Каида («О роза, сердце влюблено»). (Перев. С. Спасский)	69
Каида на османский лад («Огнем любовным охвачен ныне я»). (Перев. Л. Успенский)	71
Мухамбази («Как завидел взор красу твою»). (Перев. В. Успенский)	73
«Хотелось в безмолвии скрыть свой стон». (Перев. О. Бич.)	75
Подражание персидскому. (Перев. В. Успенский)	77
«Ужасный бой, смешались мечи вокруг и выстрелы». (Перев. О. Бич)	79
Мухамбази казали («Как мечом, рассечен я тоскою»). (Перев. С. Спасский)	80
Моя мечта (Перев. В. Арнс)	81

«И лилии душистые и розы благовонные».	82
(Перев. В. Аренс)	
Кавказ. (Перев. Ин. Оксенев)	83
Опьяненной. (Перев. Л. Успенский)	85
«Твой ясный разум светится звездой не- сравненной». (Перев. Л. Успенский)	87
Надпись на могиле девушки. (Перев. М. Фроман)	88
Камена. (Перев. В. Аренс)	89
«Не мни, что во своей ты власти». (Перев. В. Римский-Корсаков)	90
Озеро Гокча. (Перев. Л. Успенский)	91
«Любила ты, ждала ты, влюбленная».	
(Перев. В. Успенский)	94
Двустышья. (Перев. М. Фроман)	96
На голос Мансура. (Перев. М. Фроман)	97
Царица прелести. (Перев. Л. Успенский)	99
Саари. (Перев. Л. Успенский)	100
Рождение сына. (Перев. М. Фроман)	101
«К уродам приязнь и доверье ужели воз- можны?» (Перев. В. Римский-Корсаков)	103
«Я в долину спустился, чтоб сердце уте- шить в печали». (Перев. М. Фроман)	104
Мухамбази («О, струющийся в благого- веньи»). (Перев. С. Спасский)	105

Г. ОРБЕЛИАНИ

Антону. (Перев. Вс. Рождественский)	109
Плачущей Нине Чавчавадзе. (Перев. В. Ус- пенский)	111
Мухамбази. («О, не лей вина! И так я пьян красотой твоей»). (Перев. С. Шервин- ский)	112

М. («О звезда, объясни сама»). (Перев. А. Островский)	114
Прощание. (Перев. С. Спасский)	116
М. («Вкруг тебя рой влюбленных»). (Перев. С. Спасский)	118
Эпитафия Мирзаджана. (Перев. А. Островский)	119
Ночь. (Перев. В. Римский-Корсаков)	120
К. Ярали	123
Мухамбази («Ни для кого досуга мне нынче нет»). (Перев. С. Шервинский)	127
Подражание Саят-Нове. (Перев. А. Островский)	129
«Не жаль мне роз, что быстро вянут». (Перев. В. Римский-Корсаков)	131
К. Саломэ (От лица Бежана-портного). (Перев. А. Островский)	132
Моей сестре Ефемии. (Перев. В. Римский-Корсаков)	134
Н(ин)е («О любимая, тобою»). (Перев. М. Фроман)	138
Мухамбази («Сбирайтесь, други! Радость нам пир сулит»). (Перев. С. Шервинский)	140
К С(офии) О(рбелиани). (Перев. С. Спасский).	142
Моя эпитафия. (Перев. А. Островский)	144
Вечер разлуки. (Перев. А. Островский)	145
Воспоминание. (Перев. Вс. Рождественский)	149
Жалобы Дмитрия Оникашвили. (Перев. А. Островский)	151
Мухамбази («Сплю — и во сне ты в сердце, любимая»). (Перев. С. Шервинский)	153
Песнь киято. (Перев. В. Римский-Корсаков)	155

Состарился. (Перев. В. Римский-Корсаков)	156
Рабочий Бскуладзе. (Перев. С. Спасский)	157
Весна. (Перев. Вс. Рождественский)	161
«Лишь улыбка навстречу мне». (Перев. В. Аренс)	163
«Кто увидел, не может свой взор оторвать». (Перев. А. Островский)	164
О, разум. (Перев. С. Спасский)	165
Надпись на азарпеше. (Перев. В. Римский-Корсаков)	166
Заздравный тост или пир после Эриванской битвы	167

И. БАРАТАШВИЛИ

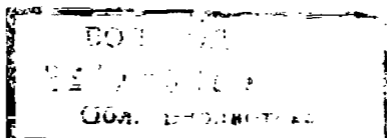
Соловей над розой. (Перев. Вс. Рождественский)	191
Кетевана. (Перев. Вс. Рождественский)	192
Сумерки на Мтцминде (Перев. М. Лозинский)	194
Тайный голос. (Перев. В. Успенский)	197
Дяде Григолу Орбелмани. (Перев. С. Спасский)	198
Ночь на Кабажи. (Перев. С. Спасский)	199
Раздумье на берегу Куры	202
К чонгури. (Прозв. А. Островский)	204
Наполеон (Перев. П. Антокольский)	205
Княжне Екатерине Чавчавадзе. (Перев. Б. Брик)	207
Серьга. (Перев. В. Боровик)	208
Младенец. (Прозв. М. Фосман)	209
Сирая душа (Перев. М. Фроман)	210

Предвестие. (Перев. С. Спасский)	211
«Словно солнца свет в тьме ночной простирает луч». (Перев. Вс. Рождественский)	212
Мои́м друзьям. (Перев. Вс. Рождественский)	213
«Не сердись, о любовь моя, на пыланье речей моих». (Перев. Вс. Рождественский)	214
«Наяву возник на пути моем храм в пустыне». (Перев. В. Успенский)	216
«Нежный голос пел». (Перев. Вс. Рождественский)	218
Пилитрим и Гиацинт (Перев. Вс. Рождественский)	219
Мерани. (Перев. М. Лозинский)	221
«О, не упрекай за неверность, красавица». (Перев. С. Спасский)	224
На могиле царя Ираклия. (Перев. С. Шервинский)	225
Надпись на азарпеше кн. Баратаева. (Перев. А. Курошева)	227
«Люблю глаза в истоме сонной». (Перев. М. Фроман)	228
«Локоны пали на грудь, словно змеи» (Перев. С. Спасский)	229
Злой дух. (Перев. С. Спасский)	230
«Вытру слезы, в горе утешные» (Перев. А. Курошева)	231
Чинара. (Перев. А. Курошева)	232
«Славен тот, кто создал тебя, красота черноглазая». (Перев. А. Курошева).	234
Вот обрушился ветер злой и сломал в саду цветик мой. (Перев. Вс. Рождественский)	235

«Если нам судьба шлет свидание». (Перев. Вс. Рождественский)	236
Голубой цвет. (Перев. С. Шервинский)	237
Судьба Грузии. (Перев. А. Оношкович- Яцына)	238
Примечания	253

Ответств. редактор Н. Степанов.
M1208 СII 15/Л. Тираж 10000 Подпи-
сано к печати 14/III 1941 г. Печ.
л. 8²/₆. Уч.-изд. л. 9,92. Зак. № 6630.
5 р. 25 к.

Типография № 2 Управления
издательств и полиграфии Испол-
кома Ленгорсовета. Ленинград.
Социалистическая 14.

20

W

✓